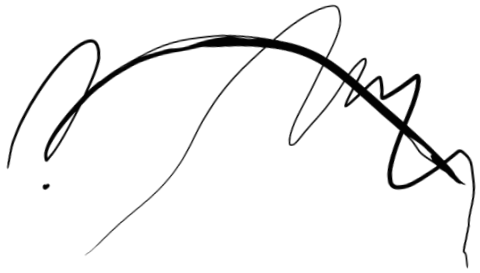
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2020

ОБРАТНАЯ ТОЧКА

II выпуск



УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)

Редактор-составитель — руководитель Студенческого литературного кружка СПбГИКиТ, к.и., доцент кафедры искусствознания Р.Г. Круглов

Художественный редактор — руководитель Студенческого художественного кружка СПбГИКиТ, доцент кафедры искусствознания И.Е. Коньков

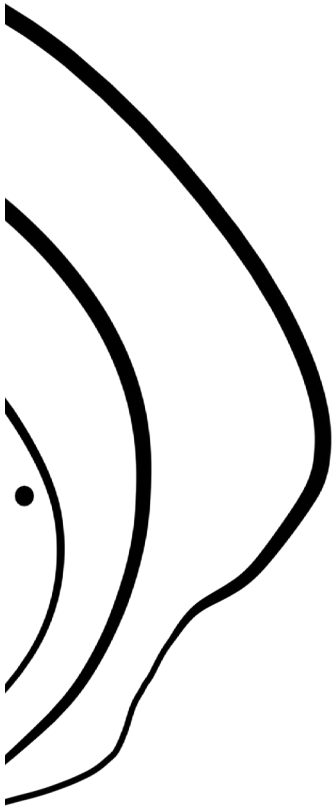
Обратная точка. Сборник литературных произведений студентов Санкт-Петербургского Государственного Института кино и телевидения / Сост. Р.Г. Круглов / — СПб.: СПбГИКиТ, 2020. — 128 с.: ил

© Коллектив авторов, 2020

© Р.Г. Круглов, аннотация, составление, 2020

© И.Е. Коньков, художественный редактор

© СПбГИКиТ, 2020

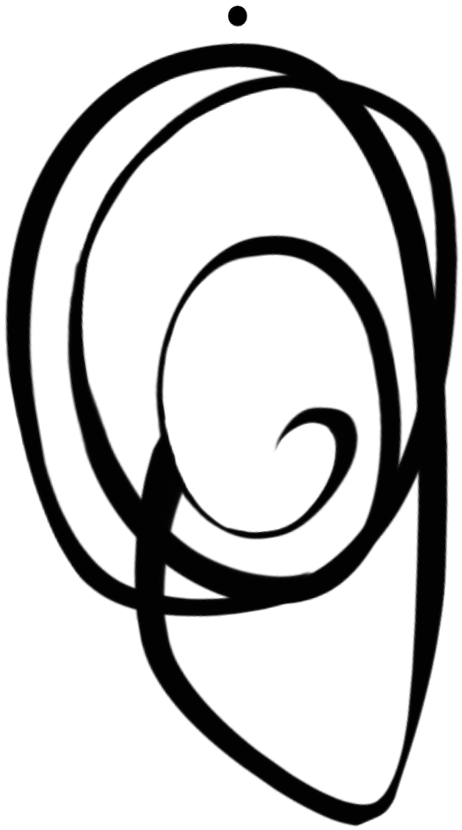


Ежегодный литературный альманах

ОБРАТНАЯ ТОЧКА

выпускается с 2019 года

Издание составлено из произведений молодых авторов и отражает работу Студенческого литературного кружка СПбГИКиТ.

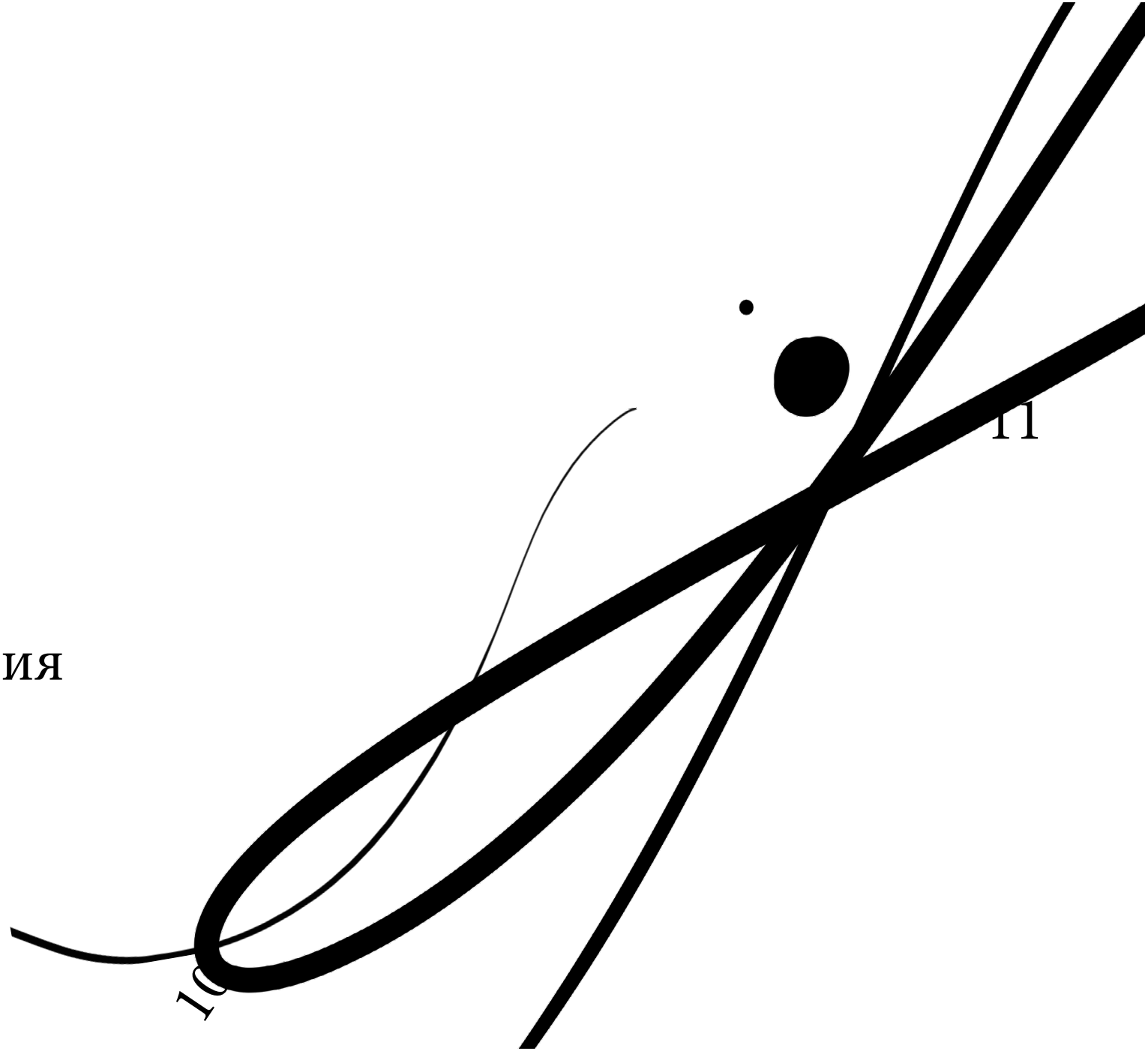


Ежегодный литературный альманах «Обратная точка» выпускается с 2019 года, издание отражает творчество молодых авторов и работу студенческого литературного кружка СПбГИКиТ. В книге нет тематических и жанровых ограничений, название подчеркивает разноплановость произведений как концепцию сборника («обратная точка» — кинематографический термин, точка съемки второго участника диалога при смене ракурса на 180°).

В выпуск 2020 года вошли стихотворения, рассказы и критические статьи студентов различных специальностей, а также произведения победителей литературных конкурсов «Обратная точка» и «Поэзия кино», проведённых в СПбГИКиТ в 2019 году. Оформление сборника выполнено участниками студенческого художественного кружка СПбГИКиТ.

11

Стихотворения



В 2019 в СПбГИКиТ при поддержке Комитета по печати и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга прошел Международный молодежный литературный фестиваль «Поэзия кино».

В его организации приняли участие Фонд международных социальных проектов «Цитадель», Союз писателей России, Фонд молодых чтецов «Живая классика», Литературное общество при Союзе писателей России «Молодой Петербург», Витебский государственным университет имени П.М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск) и Союз писателей Казахстана.

Стихотоворения победителей конкурса «Поэзия кино» ●

В рамках фестиваля были проведены конкурс стихотворений и конкурс видеороликов — творческих работ по экранизаций поэзии. Конкурсы проведены среди подростков (14-17 лет) и молодежи (18-35 лет).

Отобранные экспертным жюри стихотворения победителей поэтического конкурса поэзии были предложены начинающим кинематографистам, которые экранизировали их.

Наряду с современными стихотворениями в конкурсе видеороликов приняли участие экранизации стихотворений известнейших поэтов-юбиляров 2019 года — А.С. Пушкина (220 лет) и А.А. Ахматовой (130 лет).

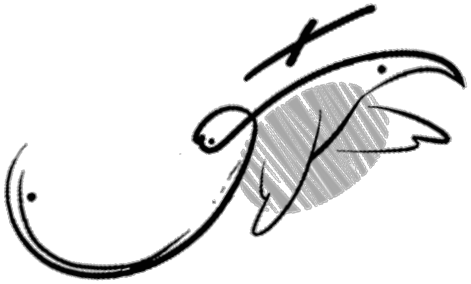
В конкурсах приняли участие авторы со всей России, а также из Казахстана, Польши, Белоруссии, Эстонии и Украины.

Екатерина Дедух

* * *

С непонятным упорством, с каким повторяются сны,
Находя себе повод, порой, самый странный и праздный,
В голове, точно снимок, опять проявляется мысль:
До чего, всё же, птица летящая крестообразна...

С каждым разом всё резче, когда закрываю глаза,
Входит образ в сознанье, чтоб там навсегда закрепиться:
Пустотой и свободой надрывно зовут небеса,
Человечек ложится на крест и становится птицей.



* * *

Мы на лугу — в ладони Бога.
Всё меньше слов
Нам нужно. Вот опутал ногу
Болиголов,

Прилив зелёный хлынул густо...
Спи, милый, спи.
Ведь даже если время спустят
На нас с цепи —

Не прокусить ему кольчугу:
Трава крепка.
Мы обовьем с тобой друг друга,
Как два ростка,

И смерть не унесёт нас с поля,
Зажав в горсти:
Пройдёт, посмотрит — и на воле
Нам даст расти.

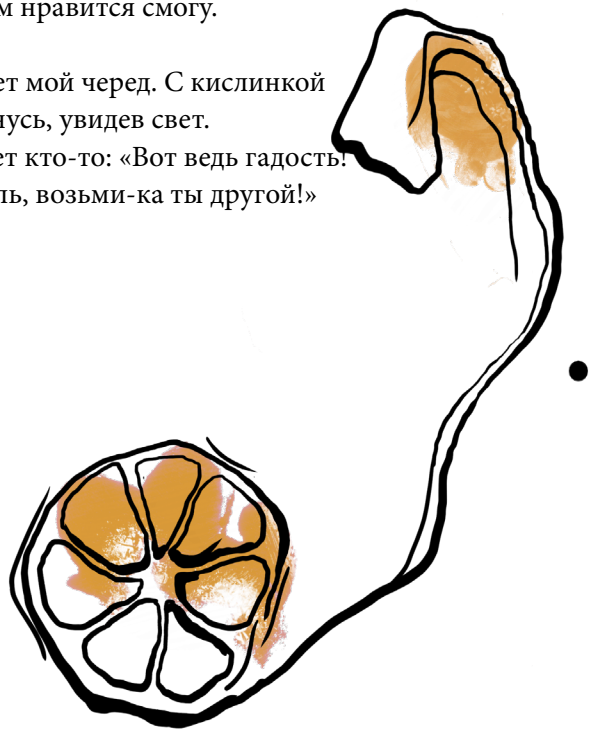
Марина Потапова

Категория 14-17 лет

* * *

Оденусь в апельсина корку,
Калачиком свернусь я в ней,
Я буду солнечной и яркой
И людям нравится смогу.

Настанет мой черед. С кислинкой
Я улыбнусь, увидев свет.
И скажет кто-то: «Вот ведь гадость!
Фу, гниль, возьми-ка ты другой!»



Марианна Соломко

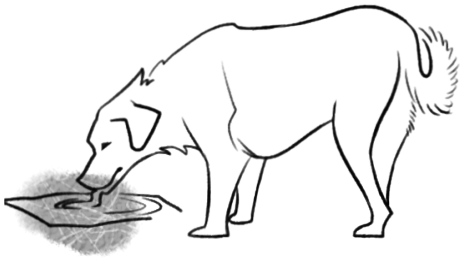
* * *

Когда чредой разорванных полотен
Оскалит небо свой линялый зев,
Последний лист, как тромб, срывает осень
С тревожно ожидающих дерев.

Как много их, тьматысячных, не вечных
Листов, им было сказано: «Уже»…
Лежат они, как жизни человечьи,
В прошедшем времени, в забытом падеже.

Кругом стволы — опора за опорой,
Напившись соком жизненным глубин,
Как старцы, дремлют мудро и суворо,
Окованные панцирем морщин.

А листья, словно прожитые лица,
Лежат пластами, втоптанные в грязь,
Лежат, как обветшалые страницы,
В которых чьято мысль не родилась



Алексей Комаревцев

* * *

Ремонтники оставили в асфальте
квадратную прореху. Дождь прошел,
и получилась лужа — принимайте! —
квадратная, похожая на стол.

Я шел домой и видел, как собака
из этой лужи пьет, не торопясь.
Она привыкла в круглых пить, однако
квадратную нашла на этот раз.

Где облака, как на холсте, повисли —
художественно вписаны в квадрат.
Пора остановиться, все осмыслить —
собаку, лужу, живописный ряд,

и не спешить к подъезду, спотыкаясь
о рытвины, а именно сейчас
остаться здесь и досмотреть артхаус —
единственный закрытый спецпоказ.

* * *

Эта варежка ищет хозяина
и при этом на ветке висит.
Как назло здесь глухая окраина:
две тропинки, пустой общепит.
Вдоль деревьев растянута рабица:
перепрыгнуть? Пойти на таран?
Или ждать, что он просто появится,
пряча левую руку в карман? —
В суматохе, в делах не закрутится,
на работе отгулы возьмёт,
чтоб найти незаметную улицу
и пройти метров двадцать вперёд.

Лев Лебедев

* * *

Что мне улицы света дневного?
Я не просто ложусь на кровать.
Так срасталась с землею корова,
Что на рынок вели продавать.

И хотя совершенно здоровый,
Сердце, только прилег на кровать,
Вдруг упало и сжалось коровой
Что на рынок ведут продавать.

Разве в этом мое преступленье,
Что лежу и во взгляде тоска?
Не ругай. Видишь, солнце алеет,
Словно тяжкий чурбан мясника.

Не толкай и не бей меня очень.
Я теперь весь сплошная спина.
И душа моя, что позвоночник
Неподвижна и обнажена.

Наклонись и скажи мне на ухо,
Что пора подниматься, пора.
Что со мной, как с коровой старуха,
Полчаса еще будешь добра.

* * *

С букетом из скрипа дверей и лопат,
Из крика грачей и собачьего лая,
Ее за углом дожидается март
И за руку держит, домой провожая.

И в белой рубахе стоит во дворе,
И черные брюки запачканы глиной —
Вот локоть отставил галантный апрель.
В груди его плещется писк воробьиный.

Вот май перед нею бежит на руках,
Развесив веселые пятки сирени.
И ждет она лета. Так ждут моряка.
И только меня вспоминает все реже.

Глядит, как на зимнее смотрят пальто
В июне, — в глаза мне. А мне так спокойней.
И листьев зеленый дрожит кипяток.
И я, словно лыжа, стою на балконе.

Кристина Кармалита

* * *

Катился шар, катился шар земной
Из ночи в ночь, от севера до юга
Покоен летом, раздражен зимой
А мы бродили по сердцам друг друга

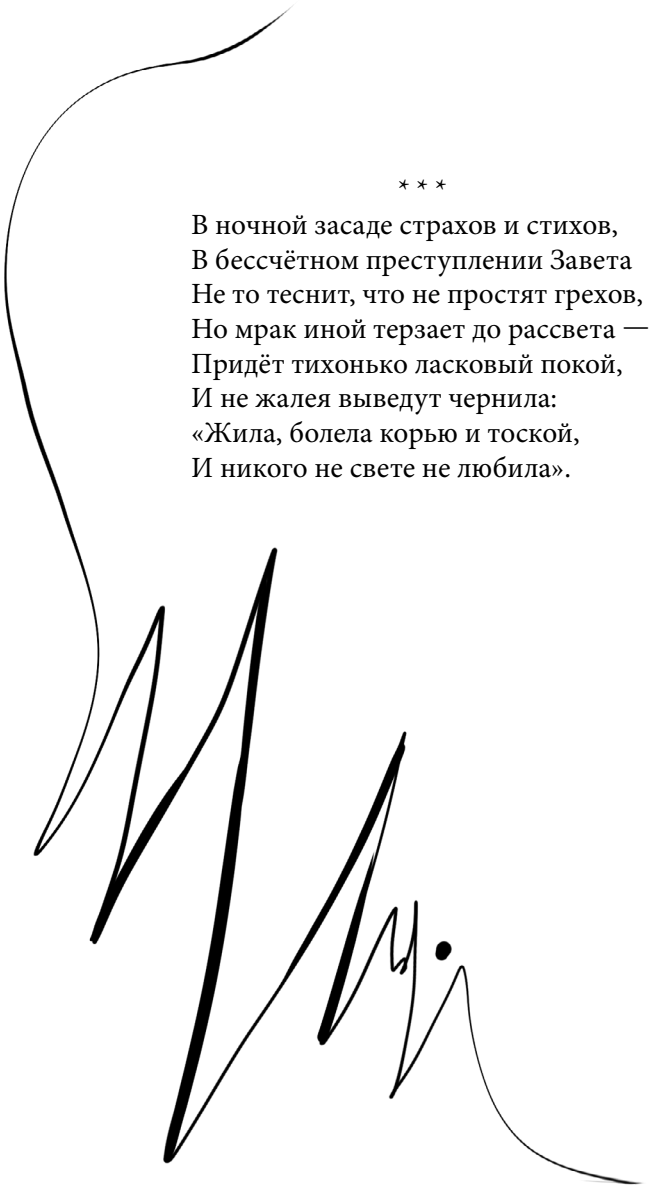
Катился шар, гудел, не уставал
Из года в век, от города до луга
Катился шар, горел и остывал
А мы дрожали друг напротив друга

Шумело все. Ревело, голосило
Я за тобой была. Ты был за мной
Неведомая, неземная сила
Катила между нами шар земной

Катился шар, гасила день свеча
Катился шар, ходила ночь по кругу
Катился шар и целый мир молчал
Который мы могли сказать друг другу

* * *

В ночной засаде страхов и стихов,
В бессчётном преступлении Завета
Не то теснит, что не простят грехов,
Но мрак иной терзает до рассвета —
Придёт тихонько ласковый покой,
И не жалея выведут чернила:
«Жила, болела корью и тоской,
И никого не свете не любила».



Катерина Яшникова

Если о Родине

Если о Родине, то не торжественно, но
Просто, как эхо гитары в сыром переходе
Родина, стало быть, то, что в тебя врождено,
То, что тебе суждено и с тобой происходит.

Душный плацкарт, шум перрона, стакан на столе,
Выжженный солнцем плакат на стене возле кассы.
Родина — это всего лишь огромный скелет,
В кости которого люди вцепляются мясом.

Врут, что она в куполах. И воспетую синь
Встретишь нечасто в седом и нахмуренном небе.
Родина прячется в малом. Как много россий
В теплых бытовках сверкает сгущенкой на хлебе.

В кухнях, где строится мир и хранятся бычки,
Где за нехваткой обоев газеты на стенах,
Где прошлым веком краснеют в шкатулке значки
С памятью о перевыполненных переменах.

Родина в малом. Ни флаг, ни присяга, ни гимн
Так не близки к ней, как долька лимонная в чае.
Родина в малом — умом близоруким своим
Мы смотрим мимо, сиротство свое ощущая.

Словно простак, что в квартире ключи потерял,
И непосильной утратой до дна изувечен —
В поисках Родины я прихожу на вокзал
И остаюсь на вокзале, с надеждой на встречу.

Александр Дашко

* * *

Будто капля акварели скверной
засыхает лужа во дворе.
Мы с тобой не встретимся, наверно,
в невозможно теплом сентябре.

Бабье лето пролетит как праздник,
только я не ветреный поэт.
Я, как робкий сонный первоклассник,
уроню помявшийся букет.

И уйду по раскаленным листьям,
словно йог по колющим гвоздям.
Потому что боль меня очистит,
потому что в счастье жить нельзя.

А наутро бородатый дворник,
лишь перцовкой горло промочив,
раскидает листья по задворкам
и забудет осени мотив.

Стихотворения победителей международного конкурса поэзии «Обратная точка»

В рамках Международного научно-практического форума молодых ученых, студентов и аспирантов «Неделя науки и творчества» 2019 в СПбГИКиТ был проведен Международный поэтический конкурс «Обратная точка» среди учащихся (14-17 лет) и студентов (18-23 года) в трех номинациях: поэзия, проза и критика.

В конкурсе приняли участие свыше 250 авторов из различных городов России и Белоруссии, в настоящем сборнике опубликованы избранные произведения победителей конкурса.

Мария Берестова

* * *

Живи, живи. Живи, как сейчас живешь; как вот сейчас сидишь,
сиди так вечно... В. Набоков

Вот так молчи, как сейчас молчишь,
всегда, всегда — пусть и жизнь пройдет —
из всех колодцев, оврагов, ниш
твое молчанье, как ночь, встает,

сияет в небе, блестит на дне,
дрожит повсюду, и я дышу,
но все безудержней слышно мне,
как ты молчишь сквозь великий шум

по всей земле, и звенит в ушах,
живи, живи, как сейчас — и все.
И вздрогнет где-то внутри душа,
как будто что-то произнесет.

* * *

Касаться пальцами — не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,

а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.

Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.

Ольга Ахсахалян

Вечер

Гаснет мир за замёрзшими стёклами,
И, пока карандаш не источится,
Сделать дни ещё более блёклыми
Хочется.

Я рисую, замазав всё яркое
Чёрным, серым — унылыми красками.
Это — жизнь! А другие пусть маются
Сказками…

Отдыхаю от мира. Для прочего
Не найдёте меня и с собаками.
В голове у меня одиночество.
Вакуум.

А теперь... Процедуры закончены.
Можно жить, как порядочной — странненькой.
Может, мир сам поделится с дурочкой
Тайнами?

Яна Кирноз

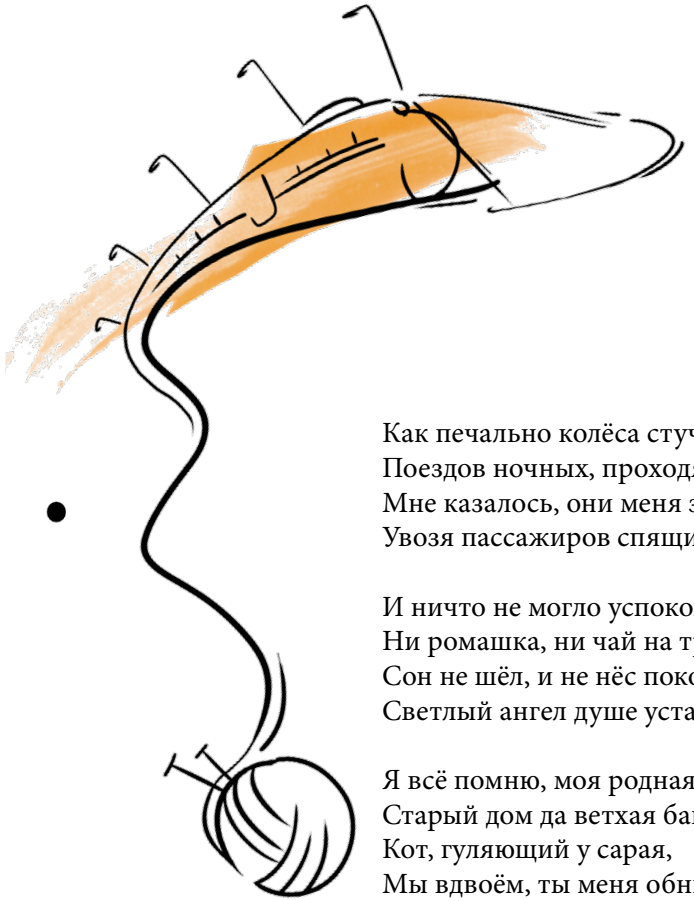
Бабушке

С неба падают, падают звёзды,
Словно яблоки переспелые…
Спохватилась, да было поздно —
Ничего загадать не успела я.

«Не грусти, бог пошлёт тебе счастье», —
Тихо на ухо бабушка шепчет,
И рукою крестит дрожащей,
И к себе прижимает крепче.

Пахнет ночь чабрецом и мятой,
А подушка — сухой ромашкой,
И на печке кот полосатый
Всё шуршит и шуршит бумажкой.

«Будем спать. Уже скоро полночь.
Да хранит тебя ангел светлый…»
До конца своей жизни помнить
И беречь буду в сердце это.



Как печально колёса стучали
Поездов ночных, проходящих!..
Мне казалось, они меня звали,
Увозя пассажиров спящих.

И ничто не могло успокоить —
Ни ромашка, ни чай на травах.
Сон не шёл, и не нёс покоя
Светлый ангел душе усталой.

Я всё помню, моя родная:
Старый дом да ветхая баня,
Кот, гуляющий у сарая,
Мы вдвоём, ты меня обнимаешь.

Никогда не вернётся детство.
Поезд дал свой гудок прощальный.
Я надеюсь, что ангел светлый
Где-то есть и меня защищает…

Рождественский вечер

Мне светлой грусти не изжить,
Когда холодные снежинки
Хотят следы запорошить
Последних листьев на тропинке.

Они летят, горьки на вкус,
Заносчивые эльфы вьюги.
От них устал седой Эльбрус,
Их ветер гнал, спасая друга.

А воздух пахнет Рождеством:
Еловой лапкой и корицей.
И, в спину запустив снежком,
Мальчишка машет рукавицей.

Он безнадёжный оптимист, w
И верит в Дедушку Мороза,
А вырастет — и покорит
Вершины, где ночуют грозы.

Мечтатели спасают мир.
Так было и вовеки будет.
Их позывной летит в эфир —
И оттого вершится чудо.

Зажгутся скоро фонари…
Приду домой и плед достану,
А после буду до зари
Стихи писать и строить планы.

Вновь будет прятаться земля
Под покрывалом белой пряжи,
Лишь на исходе декабря
Пушистый снег на землю ляжет.

Нам светлой грусти не изжить,
И всё же теплится надежда,
Что этот снег запорошит
Все прегрешения и беды.

Вспорхнёт хрустальный ангелок
На ветку ёлки новогодней…
Над нами зажигает Бог
Звезду надежды — дар Господний

Алеся Грицкевич

* * *

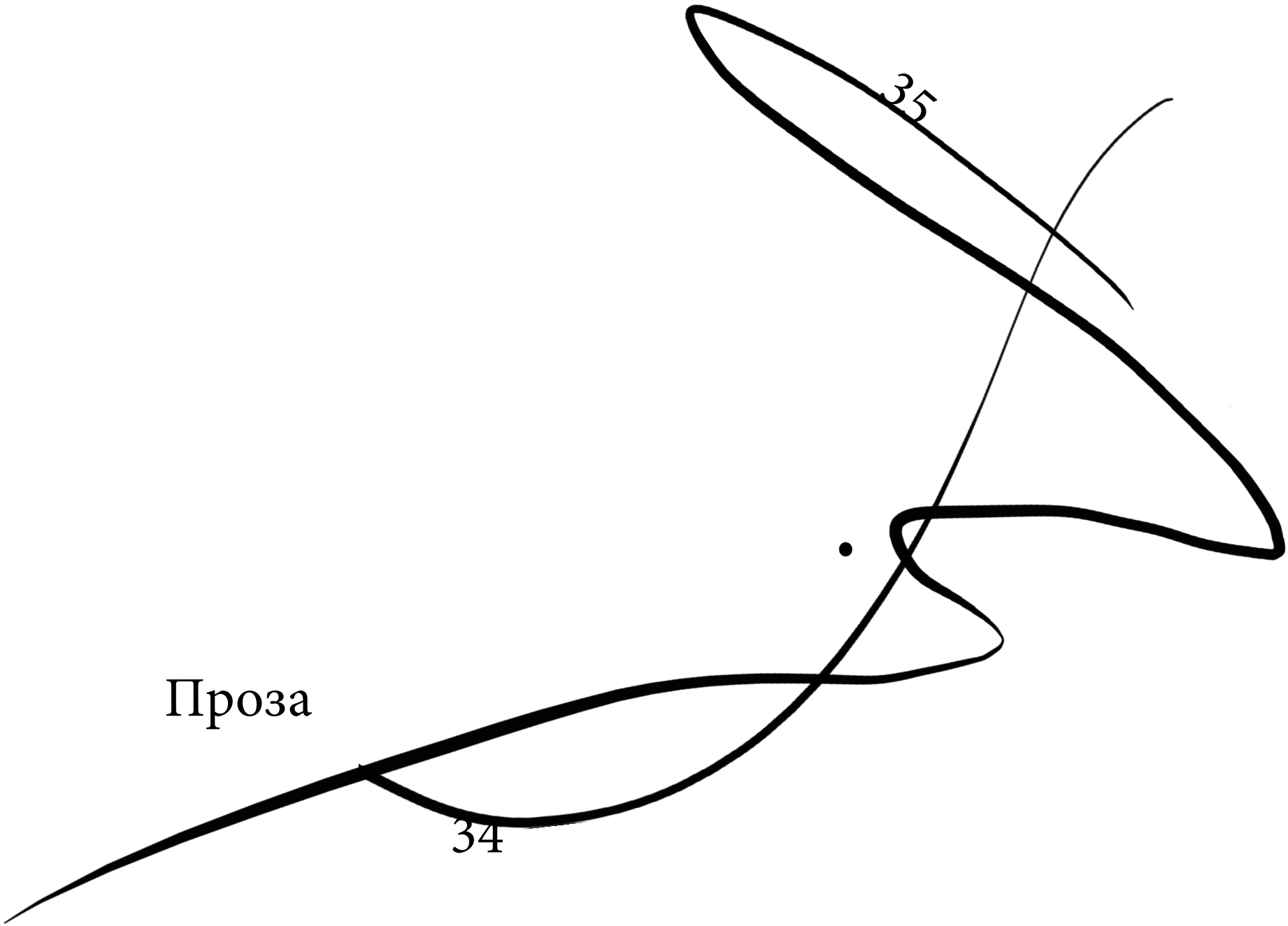
Моя тревога безвоздушная,
настенно-чеховски-двуствольная.
Как будто что-то мной остужено,
оставлено и остановлено.
Как будто что-то мной упущено,

просрочено или потеряно.
И все во мне скрести обучено
то по железу, то по дереву.
И возвратиться бы под солнышко,

где что-то важное обронено
секретиком под битым стеклышком
и каблуками похоронено.
Сражать бы легкостью, изяществом,

стать всеми сразу в мире птицами
Достать не счёт за свет из ящика —
за темноту. И расплатиться бы.

Смеётся текст с рекламных слоганов
про кайф по щучьему велению.
Как будто что-то мною сломано
без шанса на восстановление.


35
Проза
34

Дарья Ковалёва

БУЛЬКА

Послышался свист, и из-за стола высунулась детская рука с игрушечной птичкой. Затем появилась и сама Саша. Она радостно прокричала, обращаясь к аквариуму: «Булька, смотри, как я могу!». Рыбка всплыла кверху животом. Девочка удивилась и напряжённо вгляделась в стекло аквариума.

Мама Саши мыла посуду на кухне, когда к ней подбежала дочь.

— Мама, Булька не дышит, — встревоженно сказала она ци протянула матери рыбку в ладошках.

— Зачем ты достала ее из аквариума?! — мама выхватила рыбку, но она выскользнула и упала на пол с липким влажным хлопком.

Мама подняла её и побежала к аквариуму. На шум вышел и папа Саши.

— Не нужно вынимать Бульку из воды, она может задохнуться, — объяснил он испуганной девочке.

Мама отпустила рыбку в воду, но безжизненная Булька снова всплыла кверху брюхом. Родители переглянулись, не зная, как объяснить произошедшее девочке.

Саша, хотя и не понимала, отчего-то чувствовала, что вода в аквариуме не поможет ее другу плавать как раньше. Она вдруг выловила рыбку и побежала на чердак. Родители устремились за ней, но та уже взобралась по лестнице, опрокинула люк и села на него.

— Доченька, верни Бульку… — уговаривали девочку родители. — Понимаешь… Рыбки не могут жить без воды, но настает время, когда они должны жить под землей. Нам нужно отпустить

ее в новый домик, там ей будет лучше…

— Куда? Почему не с нами? — залилась слезами Саша. — Давайте отвезём её в море, если она больше не может жить в аквариуме…

Родители переглянулись: до моря ехать было слишком далеко.

— Нет, не в море… нам нужно закопать ее, чтобы… — мама не сразу нашлась, но отец подхватил мысль:

— Чтобы она могла превратиться в других рыбок!

Всхлипы за люком чердака начали стихать.

— Помнишь, мы закапывали семена? Помнишь, какие красивые цветы выросли потом на том месте? Нам нужно точно так же закопать Булю, — сказала мама и замерла, ожидая.

— И из нее вырастут новые маленькие рыбки? — удивлённо спросила Саша, глядя на Бульку и вспоминая, какой она была крошкой, когда попала в их дом.

— Да, наверное… — неуверенно ответила мама.

Отец легко ткнул её в бок:

— Конечно! Надо попробовать!

Саша слезла с люка и позволила родителям открыть его. Они обняли заплаканную девочку и аккуратно забрали у неё мертвую рыбку, которую она всё ещё не хотела отдавать. Высохшая чешуя прилипала к ладоням и оставалась на них.

Шел дождь. Вся семья собралась во дворике недалеко от дома, чтобы закопать бедную

Бульку под большим тополем. Она лежала в аккуратнойямке, и капли дождя падали на ее облезшую чешую, на время придавая ей живой блеск. Пустой рыбий взгляд был направлен на девочку, которая тихо плакала, утыкаясь в мамино пальто. Несколько взмахов совочком, и Булька осталась под землей.

В тот же вечер, когда мама укладывала Сашу спать, та спросила, сонно щуря глаза:

— А завтра рыбки уже вырастут, мам?

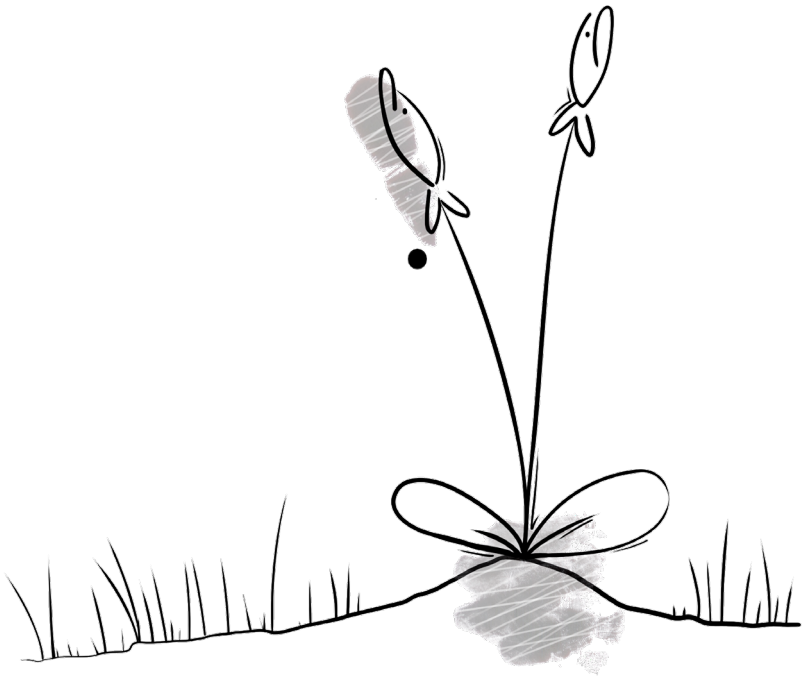
— Думаю, на это нужно время, — уверила мама, скрывая растерянность. Она поцеловала девочку в лоб и вышла из комнаты.

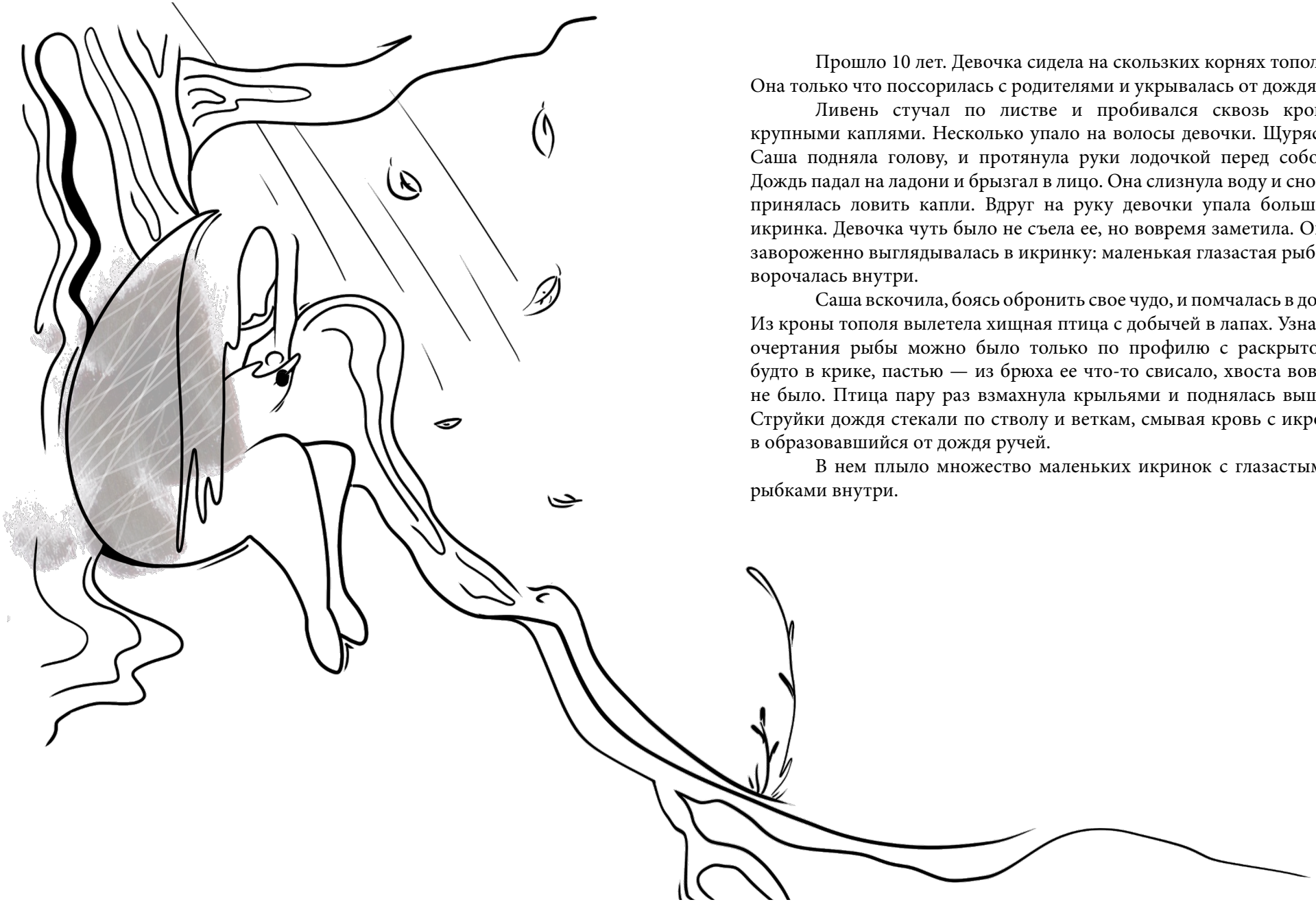
Саше снилось дерево во дворе, но без листвы и с голыми кривыми ветками. На них росло нечто вроде почек, которые набухали и превращались в икринки. Они гроздьями висели на ветках то там, то тут, а в каждой из них плавало по маленькой глазастой рыбке. Но вот икринки начали вылупляться. Одна за другой они лопались, и маленькие рыбки, как червячки, выползали на ветки и ползли по ним. Некоторые из червячков срывались и падали. Другие рыбки оказались наколоты на острые концы веток и вращались, как на вертелах. Послышался треск — под деревом разгоралось пламя. Маленькие рыбки зашипели, стали покрываться корочкой, их глаза побелели…

Место зарытой рыбки девочка каждый день поливала водой. Она встревоженно всматривалась в лужицу и ожидала увидеть в ней хвост или плавник, но кроме мокрой черной земли не проглядывалось больше ничего. Девочка грустно вздыхала и плелась за еще одним ведерком воды.

«Как же маленькие рыбки, выросшие из земли, доберутся до своих аквариумов? Вода ведь будет нужна им сразу», — думала девочка, поливая каждый день новое пристанище своего питомца.

Со временем на этом месте образовалась ямка, в которой Саша разглядела очертания рыбьих костей. С тех пор она перестала поливать могилку друга.





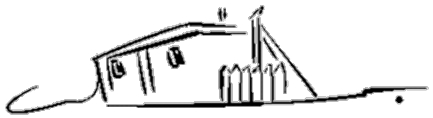
Прошло 10 лет. Девочка сидела на скользких корнях тополя. Она только что поссорилась с родителями и укрывалась от дождя.

Ливень стучал по листве и пробивался сквозь крону крупными каплями. Несколько упало на волосы девочки. Щурясь, Саша подняла голову, и протянула руки лодочкой перед собой. Дождь падал на ладони и брызгал в лицо. Она слизнула воду и снова принялась ловить капли. Вдруг на руку девочки упала большая икринка. Девочка чуть было не съела ее, но вовремя заметила. Она завороженно выглядывалась в икринку: маленькая глазастая рыбка ворочалась внутри.

Саша вскочила, боясь обронить свое чудо, и помчалась в дом. Из кроны тополя вылетела хищная птица с добычей в лапах. Узнать очертания рыбы можно было только по профилю с раскрытой, будто в крике, пастью — из брюха ее что-то свисало, хвоста вовсе не было. Птица пару раз взмахнула крыльями и поднялась выше. Струйки дождя стекали по стволу и веткам, смывая кровь с икрой в образовавшийся от дождя ручей.

В нем плыло множество маленьких икринок с глазастыми рыбками внутри.

Александра Климова



СКОСИТЬ РУДБЕКИЮ

Я смотрела на него сквозь сетку просевшего проволочного забора. На заброшенном дачном участке жался в угол низины домик, обшитый блеклыми от времени, грубо отёсанными досками. Они напоминали старую шкуру, покрытую лишаем облупившейся желтоватой краски. Да и сам домик выглядел загнанным зверьком, от отчаяния оставившим попытки бежать из прохудившейся клетки. Он недоверчиво, исподлобья лупил на меня стеклянные глазёнки с желтоватыми от старых занавесок радужками. Высокие иглы выцветших ежовника и чернобыльника, бесцеремонно занявших все шесть соток участка, протыкали серый шёлк тумана.

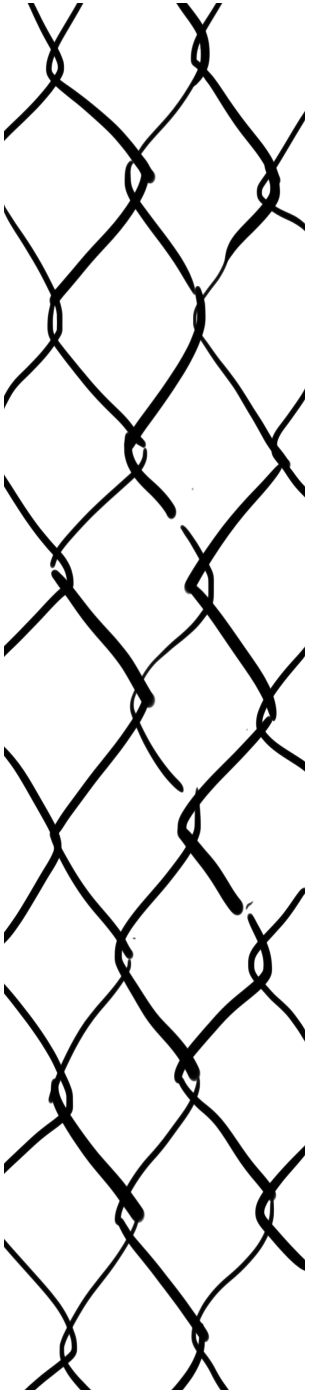
Справившись со ржавым замком, я толкнула тугую деревянную калитку и вошла в сорняковый лес, вмиг промочив ноги до колен. Стоя на пригорке и держась за стебли разросшейся рудбекии, я шарила ногой в поисках опоры — где-то в метлице были ступеньки. Нащупав первую, перенесла вес, но сразу же поскользнулась и плюхнулась в мокрую траву.

К ладони прилип мятый цветок — жухлое солнце с чёрной дырой семян. Из-под ломанных лепестков вдруг вынырнула и засеменила по пальцам многоножка. Дёрнувшись от испуга, я отбросила цветок и вскочила. Из вдавленной в землю трухи

в панике выползали насекомые, обустроившие в ней непритязательное коммунальное жилище. На всякий случай отряхнувшись, я обогнула оставшиеся ступеньки и неуклюже сбежала с пригорка.

Поцарапав руки в зарослях чёрной малины, миновав перебитые временем хребты парников, я продралась к старым, корёженным старухам-яблоням, немо и бездельно доживающим свой век. На стволе самой высокой из яблонь некогда была прибита реечка — упор для моей детской ноги. Ты подсаживал меня, я забиралась как можно выше, снимала красные-красные, будто налитые густой кровью яблоки и бросала их точно в твои крепкие руки. А потом обязательно сползала с дерева на углы твоих ключиц. Ты держал меня за лодыжки и, чуть подбрасывая, доносил до крыльца, а я вжимала голову в плечи, потому что боялась стукнуться темечком о синее-синее небо.

Обломив ногтем ржавую шляпку гвоздя, торчащего из поросшего мхом ствола, я пошла к крыльцу. Опасаясь, что и эти ступени могли прохудиться, осторожно встала на несущие доски. Достав связку ключей, сразу нашла нужный — в ряду похожих он всегда угадывался по царапине. Сняла тяжёлый амбарный замок. Помедлив, вошла в дом, с едва уловимым треском оборвав линовку паучьих сетей в проёме. Меня обдало затхлым, сырым дыханием. Сквозняк вздыбил парусом пыльный рыжий тюль — перегородку между коридорчиком и кухней. Я подхватила его и нырнула в кухню.



Обшитое обожжённой вагонкой, продрогшее помещеньице всё же выглядело уютным. Окинув взглядом жёлто-чёрные стены, я вспомнила, как ты огненными мазками проявлял рисунок дерева, а я заворожённо наблюдала за этим чудом. Мне тогда представлялось, что так красят тигров. Взгляд остановился на участке, обожжённом темнее всего — это я передержала горелку, когда ты доверил мне порисовать огнём. Мне всё казался недостаточно чётким проявляющийся рисунок… Кровь вдруг прилила к щекам, словно стены отдавали поглощённое когда-то тепло.

На столе стояла массивная советская пепельница из толстого жёлтого стекла. Из неё торчало несколько мятых оранжевых фильтров. Рядом лежал старый чёрный «крикет». Я чиркнула кремнем, и, на удивление, искра дала слабый огонь. Через пару секунд пламя задрожало и потухло. Захотелось курить.

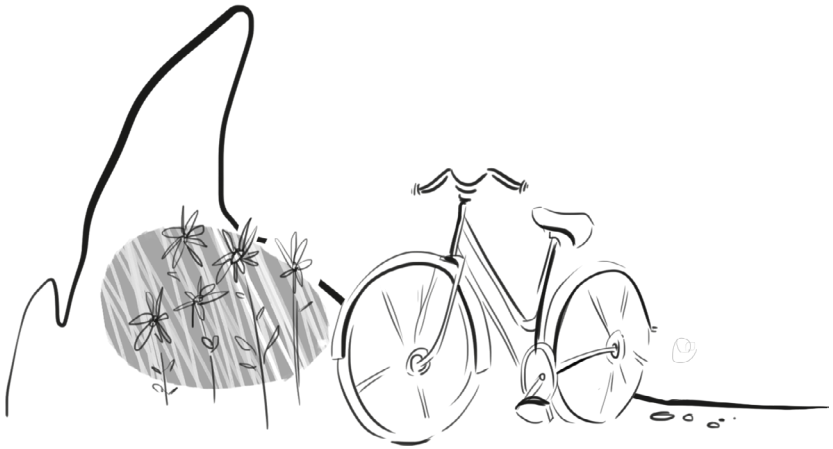
Пространство между кухонькой, совмещённой с коридором, и комнатой делила толстая деревянная дверь с похожей на медузу полупрозрачной голубоватой ручкой. Я неуверенно повернула её. Ручка издала родной уху щелчок, будто включив тумблер учащённого биения сердца. Не решившись открыть дверь, я вышла из домика.

На заднем дворе в окаймлённом кирпичами островке теснился ржавый мангал. Даже прихваченный по периметру крепкой проволокой, он едва держался на разъехавшихся в стороны ножках, чем был похож на не научившегося ходить рыжего телёнка. Мангал прикрывал лист ржавого железа — на этой «плитке» мы разогревали еду и кипятили чайник.

То было жаркое, приятно душное, и оттого пряное лето. Новость о твоём приезде взволновала меня. Я не представляла, как вести

себя с человеком, связь с которым ограничивалась фотографией из роддома. Однако, мы быстро сдружились и обосновались здесь, за несколько километров от деревенской цивилизации. Участок этот так же, как и сейчас, простаивал: у мамы и её родителей не было ни времени, ни сил им заниматься. Лишь пару раз в год мы набегами запасались беспризорно растущими здесь фруктами и ягодами.

Я с трудом выклянчила у мамы разрешение на то, чтобы к тебе приезжать — жить с тобой она не разрешила категорически. Каждое утро той необыкновенной недели я спозаранку собирала завтрак, хватала велосипед и мчалась к тебе. Как бы рано я ни приезжала, ты уже трудился: то стучал молотком, то пилил что-то... Едва соскочив с велосипеда, ещё из-за калитки я махала тебе, а ты в ответ невысоко вскидывал широкую ладонь и смешно кротко кланялся. Небрежно притулив велосипед к сетке забора, почти на кусты рудбекий, я оголтело неслась к тебе. А после крепких объятий летела в домик накрывать на стол, пока ты споласкивал руки в бочке с дождевой водой.



Завтракали мы всегда вместе. Всё в тебе было удивительно. То, как ты подсаливаешь еду, зачерпывая крупными пальцами щепотку соли из миниатюрной солонки. То, как ровно разламываешь кусочек хлеба и отдаёшь половинку мне. Как, проследив за моим пытливым взглядом, подмигиваешь, а я, жутко смутившись, беру протянутый хлеб, украдкой рассматривая сине-зелёную буковку «С» на тыльной стороне твоей ладони. Однажды я нарисовала перманентным маркером на руке такую же буковку. Мать, как увидела, заставила немедленно смыть. Я обиделась, а после случайно подслушала, что ты уедешь, как только докосишь участок — за этим, как оказалось, бабушка тебя и позвала. Обыкновенно покладистая и робкая, я демонстративно схватила собранный завтрак и помчалась к тебе.

И вот, худой, но крепко сложенный, ты мерно размахиваешь косой, и под ноги твои ровными зелёными волнами покорно ложится трава. Насаживая на вилы небольшие кусочки волн, я бережно отношу их на самый дальний стог — зелёный, духмяный водопад. И постоянно отслеживаю, сколько некошеного моря осталось до жёлтой точки кустов рудбекий, которые бабушка тоже велела выкосить. Я подбегаю к тебе с вилами, чтобы унести скошенные цветы, но ты стоишь и мечтательно смотришь на них, улыбаясь чему-то своему. Над цветками-солнышками гулко жужжат полосатые шмели и пчёлы, старательно собирая нектар и будто бы даже стремясь опередить друг друга. Я вижу двух шмелей, трудящихся на одном цветке, и подмечаю, что мы похожи на них. Ты смеёшься, прижимаешь меня к себе и отвечаешь, что это они похожи на нас. Мы берем инструменты и идём в домик, оставив рудбекии и жизнь в них нетронутой.

Тихим вечером, согреваясь у мангальчика, мы сидим на неказистых, но прочно сколоченных табуретках, ножки которых всё время проваливаются в мягкую землю. Обжигая пальцы о печёную картошку, ждём, пока вскипит чайник. Рассматривая блики огоньков на твоём лице, я вслушиваюсь в мурчащий, успокаивающий голос, рассказывающий о жизни в большом Петербурге. Ты задираешь голову и говоришь, что таких ярких звёзд там никогда не увидишь.

Сумрак перетекает в ночь. Я нелепо, по-детски вру, что в этот раз мама разрешила остаться с тобой. Ты, конечно же, знаешь, что такого она никогда бы не позволила, но не говоришь ни слова против.

Дом стоит на теневой стороне, оттого комната никогда не прогревается. Ты наливаешь оставшуюся в чайнике воду в стеклянную бутылку и кладёшь её под одеяло, мне в ноги. Ложишься рядом, необыкновенно обыденно обняв меня. Я утыкаюсь в полосатое от тельняшки плечо и вдыхаю твой запах. В темноте ты представляешься мне дремлющим тигром. Я лежу в неудобной позе, но боюсь шевельнуться, чтобы не потревожить тебя и не нарушить объятий. Перед глазами рябит зелёный водопад стога. Я напряжённо держу маленькую ладошку на вздымающихся волнах твоих рёбер и засыпаю самым крепким сном…

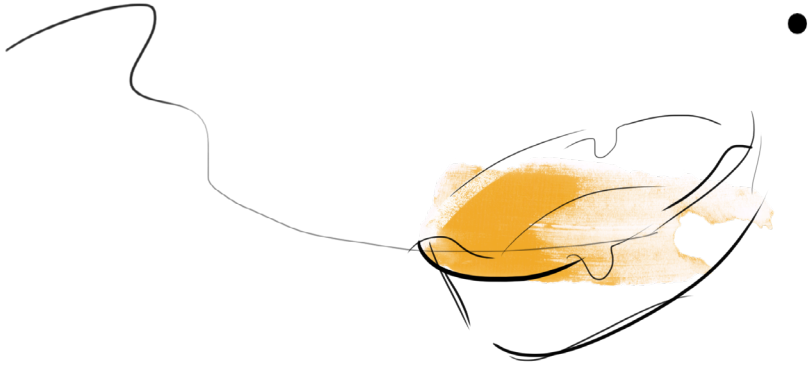
К моей неожиданности, мать поутру нисколько не злится. Я не помню ни как мы с тобой прощались, ни как ты уезжал. Запомнилось лишь обещание проводить так каждое лето. Больше я тебя не видела.

Затянувшись, я резко бросила окурок в щель между листом железа, накрывающего мангал, и его стенкой. Бычок зашипел, упав на мокрую землю. Я аккуратно приподняла ржавый лист, обнажив испещрённое дырами дно мангала, в котором некогда трещали наколотые тобой полешки. Стрёкот сороки напугал меня, я обернулась и задела мангал. Рыжий телёнок подкосил хилые ножки и повалился на бок. Серая птица туго замахала крыльями и взлетела, оттолкнувшись от крыши деревянного сарайчика.

Я подобралась к дверям накренившегося строеньица. Вытащила крючок из проушины, дверь по инерции открылась и, ритмично ударяясь о стеллаж, стихла. Раньше тут постоянно гнездились бумажные осы, и я по привычке посмотрела наверх. Над дверным проёмом виднелись две шапки серых ульев. Не отрывая от них взгляд, я сняла с гвоздя ржавый серп и резко, неуклюже срезала обе. Пригнувшись, быстро отступила за порог и прислушалась. Половинка не до конца срезанного улья покачалась и глухо упала на пыльный занозистый пол. В разрезе бумажного сердца зияли пустые соты.

В дальний угол упиралась острым носом коса, будто обиженно отвернувшись от дружно сложенных дачных инструментов. Из долговязого, но крепкого косовища торчала перемотанная чёрной изолентой ручка. Я аккуратно вытащила косу, прихватила лязгнувшее железное ведро и вышла из сарайчика.

Замочив косу в баке с водой, чтобы дерево разбухло и косовище крепко сидело в кольце, я зашла в дом и принялась за уборку. Вымела грязь из углов кухоньки, вытащила из шкафчика пластиковую посуду и огарки свечей. На глаза попалась солонка с окаменевшими в ней остатками соли. Её и жёлтую пепельницу я плотнее примяла парой дачных штанов в уже наполнившееся вещами ведро. Снимая с гвоздиков пыльную рыжую шторку, я услышала за спиной скрип. Тяжёлая дверь в комнату открылась, будто приглашая войти. Я испугалась, прислушалась. Тихо поставила ведро, взяла молоток и зашла в комнату.

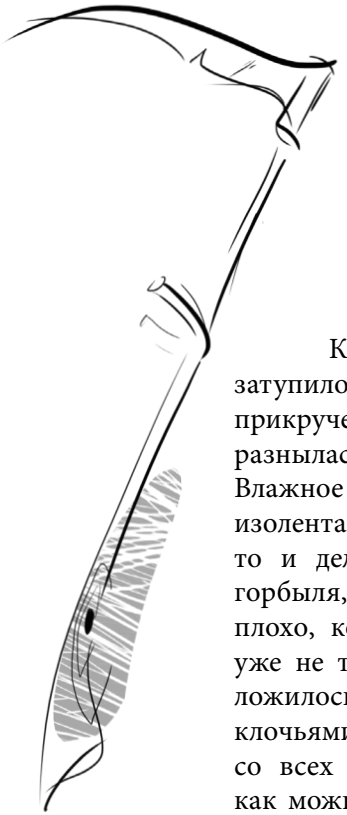


Напротив окна стояла двуспальная кровать. По углам, друг к другу лицом, — трельяж и шкаф. На заправленной рыжим покрывалом кровати лежал мой синий детский комбинезон, замещавший обычно вторую подушку. Я оробело прошла в мертвенно, неуютно тихую комнату. Увидев себя в створке трельяжа — взрослую, испуганную, зажавшую в руке тощую ручку молотка, я ослабила хватку. Положив его на стул у кровати, подошла к желтоватым занавесочкам, изъеденным молью. Потянув за конец резинки, натянутой между двух гвоздиков, развязала её и сняла пыльные занавески. В старом шкафу лежала лишь пара рабочей обуви — я вытащила её и вдруг увидела в углу скомканную тельняшку. Затаила дыхание, нежно подняла её, сжала в руках. Не решившись выбросить её сразу, я положила её на кровать. Сгребла оставшееся добро и вместе с кухонной мелочью скинула около мангала на заднем дворе. Найдя в сарайчике растворитель, вылила его на вещи и подожгла.

Рыжие искорки взмывали в чернеющую синь. Я вернулась в дом и села на кровать. Облокотившись на стену, долго держала тельняшку в руках, а затем нерешительно, мельком глянув в окна, поднесла к лицу и вдохнула твой запах. Сердце лихорадочно забилось. Я растянула тельняшку рядом с собой и уткнулась носом в холодное бесформенное плечо. В стеклах окон играли блики догорающих вещей.

Сон был странный: я рассматривала в зеркале своё лицо и читала в нём твои черты. Вдруг почувствовала прикосновение руки к плечу, но не испугалась. Опустила взгляд и увидела родную буковку «С» меж сухожилий большого и указательного пальцев. Я провела щекой по грубоватой коже руки, подняла глаза к зеркалу и не увидела в отражении никого кроме себя. Но рука лежала. Я резко обернулась и пробудилась.

В глаза светил игривый солнечный заяц, отражённый от зеркала. Я протёрла глаза и посмотрела на небрежно растянутую на кровати тельняшку. Мятая, изъеденная молью, с пыльными разводами, она была похожа на половую тряпку. Я скомкала её в руке и вышла на свежий воздух. Рассветное солнце закатилось за тучи, не успев погладить меня по холодным щекам. Накрапывал дождь. Я подошла к горке сожжённых вещей. Из неё, будто гипнотизируя, глядел на меня жёлтый глаз треснувшей пепельницы. Бросив тельняшку сверху, я вытащила из бака косу. Ухватившись за ручку, обмотанную вспузырившейся чёрной изолентой, я начала косить тропу от домика к калитке.



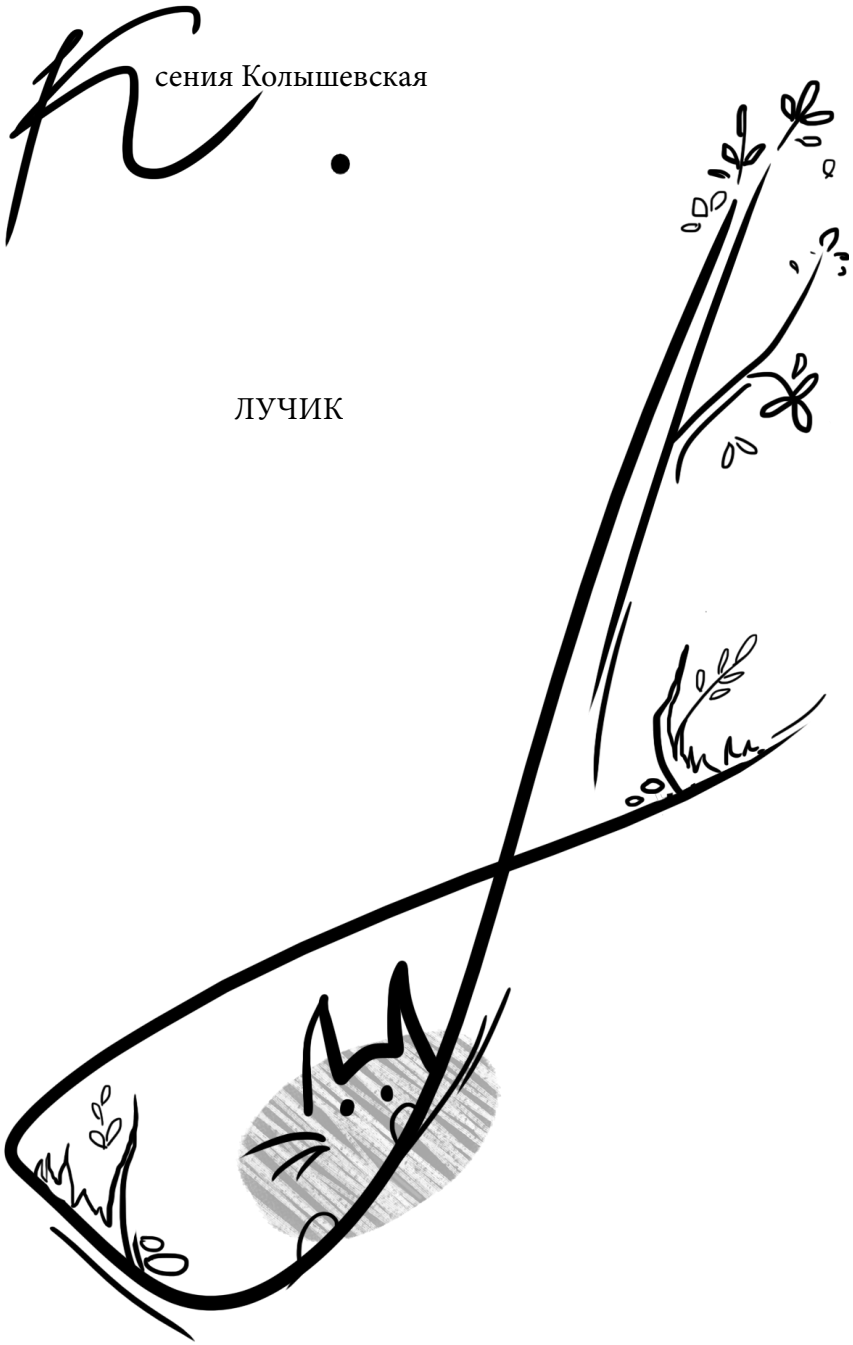
Косьба не давалась: лезвие затупилось, неудобная ручка была прикручена под твой рост. Совсем скоро разнылась поясница, загудели мышцы. Влажное дерево и растрескавшаяся изолента тёрли мозоли на ладонях. Коса то и дело находила на коряги, обрезки горбыля, кирпичи; жухлая трава косилась плохо, косовище застревало — это было уже не то зелёное море, которое красиво ложилось под ноги. Трава срезалась грубо, клочьями. Раздражённо и неграмотно, со всех сил размахивая косой, я хотела как можно быстрее добраться до калитки. Дойдя до изнеможения у зарослей чёрной малины, я остановилась, чтобы не упасть замертво. Страшно болели руки. Посмотрев на пузыри мозолей, я стерла рукавом пот и морось с лица. В кустах малины висела налитая, не опавшая ещё ягода. Я потянулась к ней, но одёрнула руку — шип обломился, оставив занозу в пальце. Чёрная ягода упала в заросли. Я подцепила занозу зубами, сплюнула и, схватив косу, в отместку резанула по кустам малины.

Из последних сил выкашивая траву около трухлявых ступенек, я, наконец, дошла до калитки. Пожухлые рудбекии жались друг к другу, опустив плоские головы. Чёрные язвы на солнцах воспоминаний, они злили меня одним своим видом. Я замахнулась косой и срезала несколько стеблей, засадив острие в землю. Ручка косы обломилась. Взбесившись, я вырвала косу из земли и, обломив пятку, оставила лезвие в земле. Опустившись на колени, я вытащила его, схватила обеими руками за обух и как серпом срезала все стебли. Мозоли на ладонях кровили, я вцепилась в пеньки стеблей и надсадно, с треском вырвала их корни. Кровь на ладонях смешалась с землёй и зелёным мясом рудбекий.

Сполоснув руки в баке с дождевой водой, я ещё раз взглянула на выскобленную утробу дома. Закрыла двери, повесила замок, положила ключи на наличник над дверью. Проходя мимо останков скошенных рудбекий, я обернулась и посмотрела в глаза дому. Зияющие пустотой стеклянные окна-глазницы не выражали больше ничего. Вчера я его продала.

Ксения Колышевская

ЛУЧИК



На крытом птичьем рынке рыжий, без единого белого пятнышка, котенок выделялся среди собратьев, как единственный цветной элемент на черно-белой фотографии. Люди, забредшие на рынок поглазеть, останавливались около него, долго рассматривали и умилялись. Некоторые для порядка спрашивали у продащицы про породу, возраст и прочие не важные им вещи, а услышав ответ, шли дальше. Рыжий котенок приподнимался на задние лапки и тянулся мордочкой вверх. Он очень хотел, чтобы его заметили и в каждом человеке видел своего будущего хозяина. Братьям котенка давно уже надоело ждать, и они свернулись в клубок в углу.

К клетке подошла пара.

— Почём котята?… — спросил мужчина.

Старушка-продавщица улыбнулась:

— За десять рублей отдам.

Мужчина вопросительно посмотрел на жену. Она тихо сказала:

— Рыжего надо взять. Она всегда котов рыжими рисует — давай такого ей и подарим.

— Да-да, рыженький хороший. Берите его. — Подтвердила старушка.

Мужчина тем временем полез в карман куртки и протянул продавщице две пятирублевых монеты. Хозяйка достала из-под своего стула одну из подготовленных обувных коробок, ловко подхватила котенка, усадила его туда и отдала покупателю:

— Следите за ним хорошенько. Рыжие коты очень шебутные…

— Мы люди внимательные! — ответил ей мужчина и, крепко держа двумя руками перед собой коробку, вместе с женой зашагал к выходу с рынка.

Дверь квартиры им открыла девочка лет семи.

— А чего вы так быстро от бабушки вернулись… — мать, спрятавшаяся за отца с заветной коробкой, не дала договорить дочери и высунулась, протянув подарок. Девочка вцепилась в него обеими руками и заглянула в коробку, как в глубокий колодец.

— Котенок! Мой! — девочка подняла голову и широко раскрытыми от восторга глазами посмотрела на родителей.

— Твой-твой, Соня. Давай, неси в комнату скорее. — Сказал отец, снимая на ходу куртку.

Соня убежала в комнату, и родители услышали громкий возглас:

— Такой рыжий, аж светится!

И, более тихим голосом, который обращаясь к котенку, Соня сказала:

— Мой Лучик.

Так безымянный котенок получил свое имя.

Вся семья собралась в комнате. На полу у коробки сидела Соня, родители — на диване. Коробка, словно огонь в кромешной тьме, завладела их вниманием.

Котенок жался к углу своего убежища. Новая жизнь слишком резко распахнула свои двери. Лучик мялся на пороге, боясь зайти туда, куда он так хотел, когда ждал хозяев на рынке.

— Нужно его вытащить. — Тихо сказал папа, будто боясь, что Лучик услышит и поймет его. — Это как нас в детстве плавать учили — кинут в воду, а дальше сам! А то так на берегу можно без конца сидеть.

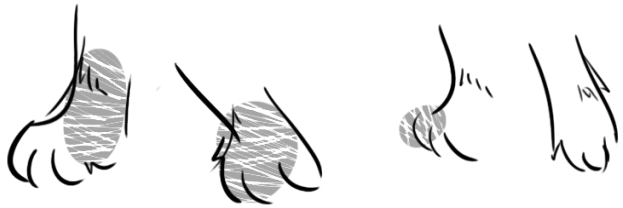
Дочь сунула руки в коробку и осторожно взяла котенка. Прикосновение рук Сони оборвало его тревогу — он возмущенно запищал и забрыкался. Девочка поставила его на пол. На полусогнутых лапах котенок пошел изучать комнату, словно ему включили моторчик, как у детских игрушек.

За лето Лучик подрос и успел обегать всю квартиру: ему казалось, что он знал в ней всё.

Коричневая штора, прикрывающая окно спальни родителей Сони, внезапно искривилась, как человеческое лицо в страшной гримасе.

— Сколько можно… — отец Сони в черных растянутых штанах спросонок шаркающей походкой подошел к пораженной шторе и резко отодвинул ее. На ней висел Лучик и виновато глядел на хозяина.

— Когтеточка же есть! — хозяин привычно подхватил кота и отцепил его от шторы. Оказавшись на полу, Лучик побежал прочь из комнаты.



Сонин отец рассмотрел нанесенные шторе увечья. На плотной ткани дразнящими высунутыми языками торчали нитки вокруг маленьких дырочек.

— А! — раздосадованный хозяин опустил штору. — Везде сниму все эти занавески, во всем доме, на кухне, в спальне, в детской, надоело!

Лучик, слыша ругань, тихонько шел в комнату Сони.

На кровати, завернувшись в одеяло так, что видно было одно лицо, спала Соня. Кот запрыгнул к ней на соседнюю подушку, немного умял ее лапами и скрутился улиткой. Но не успел он заснуть, как в проеме двери показался отец:

— Вставай, Соня, уже десять!

Соня зашевелилась.

— Вставай! Бабушка ждет нас в двенадцать, а еще собираться!

— Встаю-ю… — зевнула дочь и потянулась.

Подушка рядом с котом опустела. Лучик пустился в коридор и вплыл в быстрый поток мельтешащих ног. Два монстра с огромными пастями, которые зловеще открывались, стукаясь о пол, проскользнули совсем рядом с ним, едва не закусив его хвост. Лучик сжался. Прямо на него двигались огромные морды, разевающие свои беззубые рты. Кот прильнул к полу, зрачки его желтых глаз стали шириться. Противники уже были на расстоянии полушага, когда Лучик полетел на одного из них и начал безжалостно рвать его.

— Лучик! — Соня нагнулась к зверю, сняла его со своей тапки и погладила.

Папа уже надевал ботинки:

— Уходим!

Соня оставила кота. Входная дверь захлопнулась и квартира опустела.

Кот угрюмо, с грустно повисшим хвостом, поплелся в комнату.

Большое окно, к которому было придвинуто кресло, больше не прикрывалось шторами — хозяин успел их снять. Оно впервые предстало перед Лучиком ничем не занавешенным, будто открытая сцена, приглашающая к себе зрителя. За окном стоял неожиданный жаркий для тех краев август.

Кот всматривался. Вдруг оконная рама, как рвущаяся не по размеру одежда, начала растягиваться и надуваться, стекло натянулось, как воздушный шар и лопнуло — мир за окном вместе с деревьями, домами, прохожими, пением птиц и собачьим лаем

ринулся в комнату. Кот пятился, пока не оказался у длинного широкого шкафа с одеждой в противоположном конце комнаты. Не найдя другого убежища, Лучик юркнул в приоткрытую дверь — к свободе он ещё не был готов.

К октябрю котенок превратился в почти взрослого кота. На подоконнике большого окна (к которому уже вернулись шторы) сидел Лучик и зачарованно глядел на пожелтевшие деревья. Здесь у него была лежанка в виде свернутого плюшевого пледа.

Из коридора он услышал короткий дверной звонок. Кто-то открыл дверь. Лучик торопливо спрыгнул с подоконника и побежал встречать пришедшую со школы Соню, которая снимала рюкзак. Кот сел у ее ног, но девочка думала о своих делах и даже не почесала его за ушком. Надев тапочки, которые утратили для Лучика прежний вид чудовищ, она скрылась в своей комнате. На ручке двери висела без дела кошачья игрушка с шариком из фольги.

— Соня, ты дома? — окрикнула из коридора мама.

— Я у себя, делаю уроки! — отозвалась громко из комнаты Соня.

Лучик ушел к себе на подоконник и не заметил, как задремал. Дом светил окошками. Соня старательно писала и ее силуэт, склонившийся над столом, был хорошо заметен с улицы. На соседнем окне одиноко спал кот.

Когда Лучик проснулся и посмотрел сквозь стекло на темную улицу, там было пустынно. Взошла луна. Словно лестницу, она спустила свет во двор перед окном. Дерево с раздвоенным стволом задрожало кудрявой кроной от ветра. Он касался каждой веточки и каждого листика как смычок, из-под которого выходила звенящая музыка. Кот провел по стеклу лапой. Оно мешало. Лучик посмотрел вверх — форточка была открыта. Лучик неуверенно оглянулся на штору. Он знал, что было за ней, и всегда мог это проверить. Там была Соня, которой было все равно…

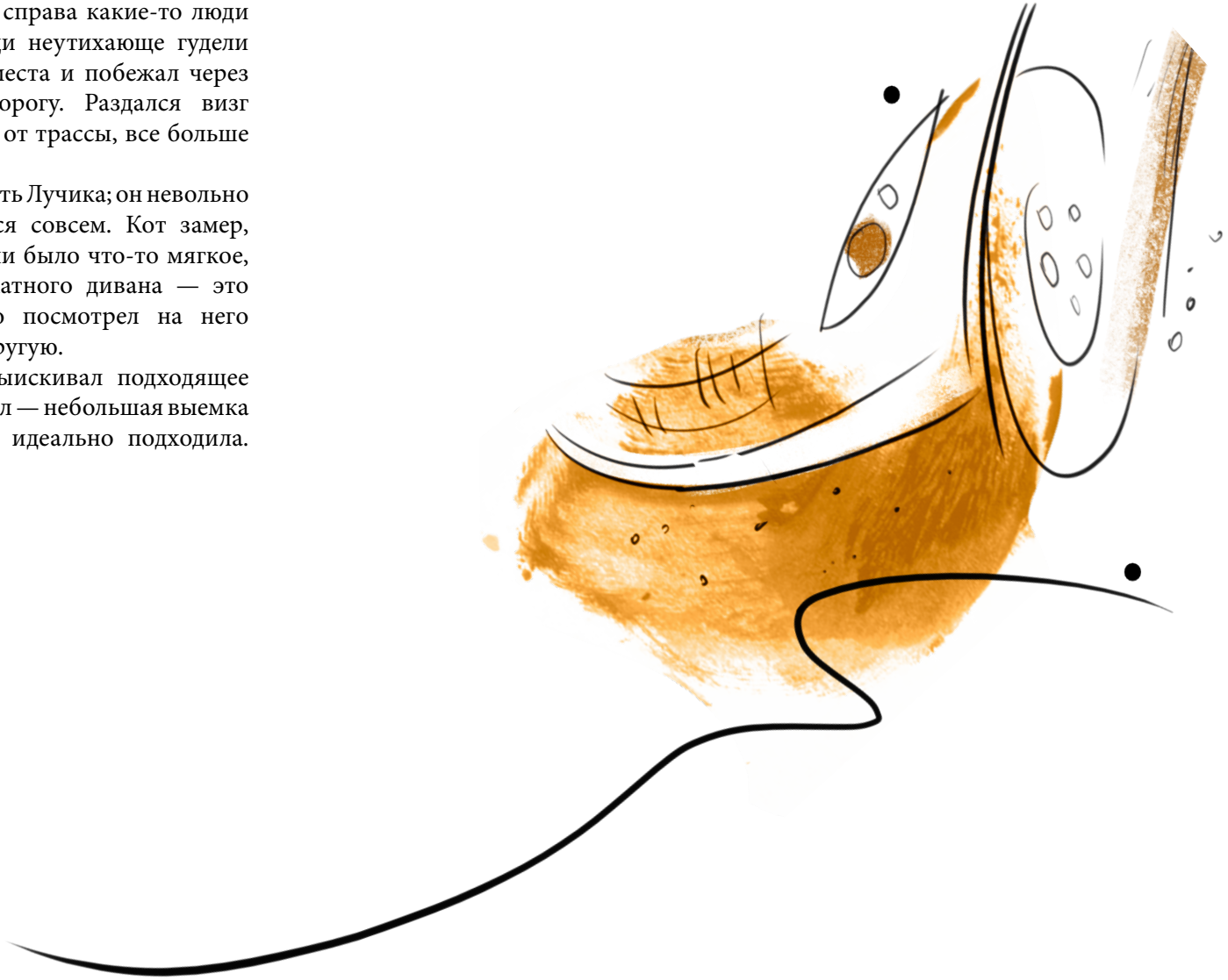
Лучик взлетел на форточку. Еще прыжок, и кот приземлился во что-то непонятное для него — это была трава, неприятно тычущаяся в его рыжую шубу со всех сторон. Он прижал уши и, собравшись с духом, сорвался с места и помчался, не разбирая пути.

Семья жила в небольшом городке. Дом стоял на окраине, из окна видна была только уходящая вдаль трасса и лес, грозными стенами обступающий ее. Лучик промчался через двор, выбежал

в арку и резко остановился — звуки улицы накрыли его с головой. Кот вжался в землю, не понимая, куда бежать — слева раздавался лай собаки, справа какие-то люди громко бранились, где-то позади неутихающе гудели машины. Он снова сорвался с места и побежал через огибавшую последние дома дорогу. Раздался визг тормозов… Кот помчался прочь от трассы, все больше и больше углубляясь в лес.

Вскоре силы стали покидать Лучика; он невольно сбавил бег, пока не остановился совсем. Кот замер, прислушиваясь: тихо. Под лапами было что-то мягкое, напоминавшее обивку его бархатного дивана — это был мох. Лучик настороженно посмотрел на него и переступил с одной лапки на другую.

Цепким взглядом кот выискивал подходящее место для укрытия и быстро нашел — небольшая выемка во мху под трухлявой березой идеально подходила.



Лучик забился туда и зябко сжался в клубок.

Спал он беспокойно — Лучику снилось, будто он сидит посреди страшной трассы. «Видимо, не убежать» — подумал во сне кот, слыша сзади шум надвигающихся машин. Наступила темнота, будто кто-то выключил лампочку. Потом загорелся слабый свет и выхватил одиноко стоящее дерево. Чуть поодаль от него возникло еще одно, потом еще и еще…. Из-за стволов медленно, как механические игрушки, показались не похожие ни на его братьев, ни на хозяев невиданные существа. Они надвигались со всех сторон. Кот попытался скрыться в темноту, но там тотчас загорался свет.

Вдруг все разом погасло…

Лучик проснулся. Все было тихо — настолько тихо, что казалось, будто лес притаился, чтобы напасть. Сон исчез без остатка в один миг, и кот превратился в одно большое ухо: он выжидал, напряженно вслушиваясь в лесную тишь.

Откуда-то послышался шум шелестящих листьев. Кот резко обернулся в полной боевой готовности, но тут же беспомощно вжался в землю и прижал уши: огромное косматое дерево, которое будто отделилось от земли и обрело жуткие ноги, подобно грозовой туче надвигалось на Лучика. Он попятился, стараясь залезть еще глубже в выемку под березой и спастись.

Существо остановилось.

— Кто ты? — произнесло оно глухим голосом, который раздавался будто со всех сторон.

— Я кот, меня зовут Лучик…

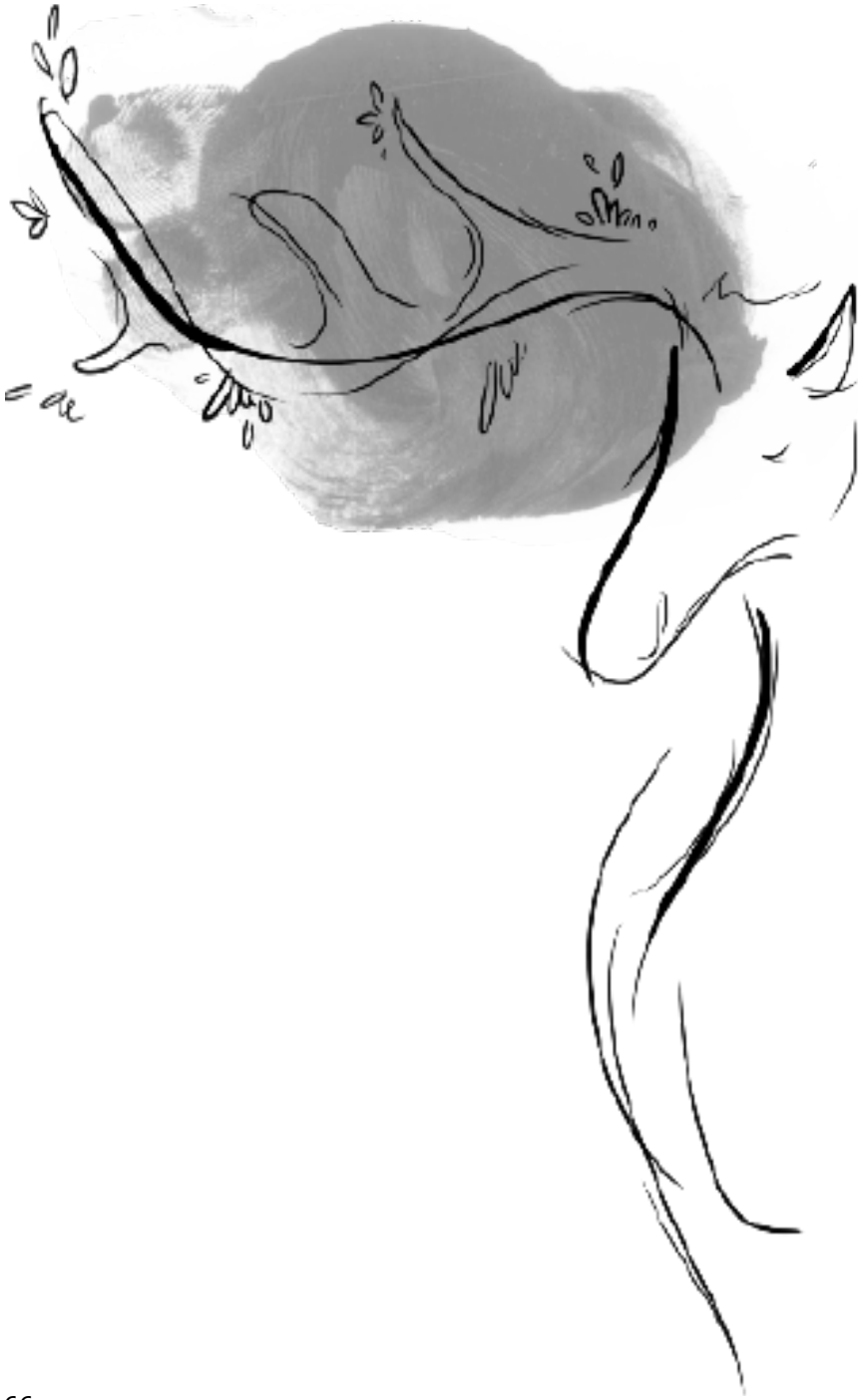
— Зачем ты пришел сюда?

— Я прибежал случайно…

Существо помолчало.

— Лес — особое место. — Медленно произнесло оно. — Мы служим ему, бережно соблюдая порядок, а он служит нам, кормя своими плодами и укрывая во время стужи, дождя и сильных ветров. Я — Лось. Я вижу и знаю все.

Речь закончилась, но, казалось, всё еще



продолжала отзываться глухим эхом в дальних просторах леса. Безграничной властью веяло от Лося, она заполняла лес, как невидимое глазу, но чувствуемое тепло. Не успел кот опомниться и разглядеть Лося, как тот исчез, не выдавая свой уход ни единым звуком — на месте, где он стоял, теперь было обычное дерево.

С этого момента на Лучика свалились звуки леса — тот будто открылся, обнаружил себя перед ним. Зашелестела листва, раздалось пенье птиц. Позади кота послышалась возня. Лучик испуганно повернулся, и увидел странное существо с иголками.

— Эй! Ты кто? — боевито мяукнул Лучик.

Существо свернулось клубком и превратилось в камень. Кот осторожно к нему подошел.

— Как же это… — растерянно муркнул он и побрел прочь, навострив уши. Вдруг сзади он почувствовал движение и обернулся — бывший камень на маленьких ножках скрылся в чаще.

Где-то сверху сильно забурлила листва — Лучик поднял голову и увидел вылетевшую из-под полуоблетевшей кроны птицу. Взгляд Лучика упал на круглую выемку-дупло. Кот аккуратно потрогал кору лапой, попробовал зацепиться — получилось. Через секунду Лучик обнимал дерево всеми четырьмя лапами и осторожно полз к цели.

— Куда это вы ползете? — услышал вдруг Лучик.

Кот застыл, посмотрел по сторонам, не нашел говорящего и полез дальше.

— Хотелось бы услышать ответ! — кот опять замер. — Вы имеете дело с хозяином этого дерева в четырнадцатом поколении.

— Но… Я совсем вас не вижу…— растерянно начал Лучик.

— Вы смотрите прямо на меня.

Кусок коры отделился и пошевелил усами. Крылышки жука напоминали раздвоенные полы фрака.

— Приятно, когда оба собеседника видят друг друга! — древесный жук сделал что-то наподобие поклона. — Я — Жук. Вы, должно быть, какая-то разновидность… Паука? Пушистой гусеницы? — жук быстро забегал вокруг кота, оглядывая его со всех сторон.

— Я кот Лучик! Я тут совсем недавно… Хочу жить в том укрытии. — и кот движением головы указал наверх, на дупло.

— Спешу вас расстроить, там уже живут. — развел всеми лапами жук. — Но… Я могу помочь вам. Кажется, его жительница куда-то ушла и вы могли бы там пока передохнуть.

— А что если она застанет меня? — настороженно спросил кот.

— Не беспокойтесь. Как только я увижу ее, я успею вам сообщить и вы покинете дупло.

Кот дополз и заглянул внутрь — голова его была не намного меньше входа. Он поставил одну лапу, вторую, умял сухие листья в дупле и попытался протиснуться целиком. Дело шло туго, но он всё же засунул одну заднюю лапу — остались вторая и хвост.

Заполнив собой все дупло, как белье барабан стиральной машины, Лучик попытался уснуть, но неудобная поза, птичий разговор, стук дятла и скрип соседних деревьев держали его в напряжении. Промучившись, кот все-таки впал в короткий отрывчатый сон: он увидел, как руки Сони оказались прям у дупла и потянулись к нему…

Кот проснулся. Откуда-то появились усы, а затем физиономия жука.

— Бегут!

Лучик испуганно заерзал, постарался высвободить передние лапы, чтобы уползти вниз.

— Поторопитесь! — снова сказал Жук.

В щели перед котом возникла остренькая мордочка пушистого рыжего существа.

— Это еще что такое? В моем дупле? — белка выпученными глазами смотрела на кота. Жук вмешался:

— Он только прибыл в наш лес, не сердитесь!

Белка его не слышала.

— Слезай, чего смотришь? — и оглядел дупло, где застрял кот.

Лучик для наглядности дернулся:

— Не получается.

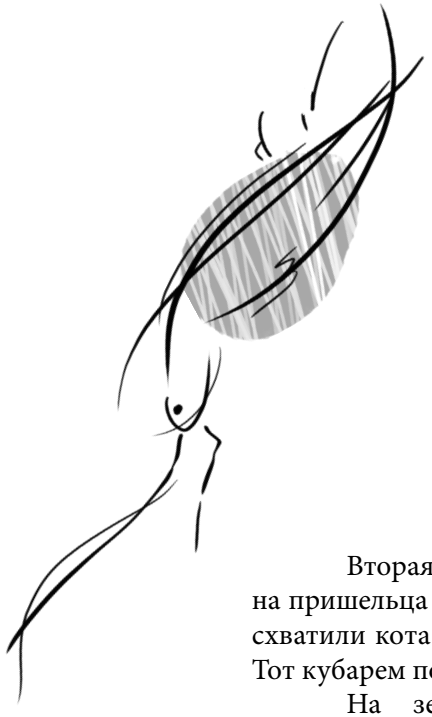
— Это откуда ты взялся такой?

Цепкими лапками она взялась за кота и попыталась его выдернуть — не вышло.

— Ореше-е-к! — крикнула белка и на соседнем дереве сразу же послышалась возня в ветках.

Через мгновение около белки оказалась другая, точно такая же.

— Я не знаю, кто это, но он застрял в моем дупле!



Вторая белка задумчиво посмотрела на пришельца и пожала плечами. Обе разом схватили кота и выдернули его, как пробку. Тот кубарем полетел вниз.

На земле около Лучика снова возникла белка.

— В своем дупле застревай сколько хочешь! — деловито она и прыгнула обратно на дерево.

— Подождите! — окликнул ее кот.

— Чего еще? — белка остановилась.

— Почему… Вас двое? Может, у вас и коты тут есть?

— Никаких котов у нас нет! — ответила белка и поскакала по стволу вверх.

Лучик сидел с грустно опущенными ушами среди опавшей листвы. Отовсюду слышалась какая-то возня — весь лес был занят своими делами. Все готовились к зиме. У жука есть дерево, у белки дупло, и только кот сидит в отживших свое листьях.

Лучик поплелся среди деревьев и вышел к тихому ручью. Кот осторожно подошел к зеленому берегу и заглянул вниз — оттуда на него смотрел грустный рыжий зверь. Лучик потрогал лапой свои уши — отражение сделало так же.

— Вы, наверное, кот! — радостно сказал Лучик.

Под прозрачной водой внезапно появилась серебристая рыбка, плывущая куда-то по своим делам. Лучик отшатнулся.

В глубине леса он увидел двух длинноухих зверьков — они скакали, странно при этом петляя. Кот почуял неладное, вскочил и постарался нагнать зайцев.

— Вы куда? — на бегу выпалил Лучик.

Один заяц на бегу ответил:

— Охотники!

Раздался оглушающий выстрел.

Лучик припустил что есть мочи. Почва под ногами стала пружинить — близко было болото. Послышались человеческие голоса.

Болото чвакало. Охотники приближались. Лучик оказался в тупике.

Вдруг мох возле него стал вздыматься и надуваться пузырями, пока не обратился в один большой пузырь, который лопнул. На его месте возникла небольшая лунка, приглашающе смотревшая на кота своим черным глазом. Кот юркнул в нее. Над ним снова зашевелился мох и начал срастаться, как будто кто-то невидимый быстро зашивал прорезь.

Лучик был спрятан — осталось только маленькое отверстие, в которое он мог наблюдать. Оттуда он увидел один сапог, затем второй. Лучик постарался рассмотреть охотников. Из черных голенищ вырастали зеленые ноги, о них постукивало что-то тяжелое, похожее на палку. Вдруг палка резко поднялась в небо и раздался выстрел. Лучик сжался.

Черные сапоги зашагали прочь. Болото недовольно чавкало.

Мох раздвинулся и Лучик вышел, вспоминая слова Лося: «…Мы служим ему, бережно соблюдая тут порядок, а он служит нам — кормя нас своими плодами и укрывая собой…».

Осеннее небо помрачнело, затянулось серыми, тяжелыми облаками и, не выдержав такой ноши, взорвалось — повалил снег.

Потеплело. Запас снега в облаках закончился, и ему на смену вышло солнце.

Цветущий кустарник, как музыкальная шкатулка, пел соловьиным голосом — птица, как потайной механизм, пряталась в его глубине. Вдруг куст вздрогнул, пение резко прекратилось, и заросли выплюнули рыжего кота, который устремился вдаль. Этим котом был повзрослевший Лучик — шерсть его заметно поблекла, приобрела землистый оттенок. Он походил на лесного зверя, в котором не сразу можно было узнать бывшего домашнего кота.

Лучик выбежал к серой грохочущей полосе — здесь часто можно было найти еду. На границе леса и трассы он заметил коробку, перевернутую набок — что было внутри, он не видел. Кот обрадовался, подбежал к самой коробке, обошел ее и услышал внезапный писк:

— Эй, ты кто? — испуганно, но бойко спросил крошечный котенок, жавшийся в угол коробки.

— Я кот. Ты, я посмотрю, тоже. Как ты тут оказался?

— Они выкинули меня… — заплакал котенок. — Сначала они меня взяли. В коробку посадили…. А потом эта коробка упала куда-то… — котенок всхлипнул. — Я боюсь. Тут страшно.

— Пойдем со мной. — Решил Лучик.

Котенок с сомнением посмотрел на него, но из коробки вышел. Лучик повёл его за собой, и парочка исчезла за стеной деревьев.

Ночь в лес пришла резко, бухнулась внезапно, как булыжник в воду, раз — и небо плотное, без единого просвета.

Корни большой сосны казались чьими-то застывшими над землей лапами. Там забившись в самую глубину, сидели Лучик и маленький котенок.

— Есть хочется. — Пискнул он.

— Спи. Первое правило леса — сначала сон, потом еда.

Котенок удивленно посмотрел на Лучика.

— Как это?

— Проснешься — увидишь. А чем крепче будешь спать, тем больше будет еды.

Котенок расстроенно вздохнул, свернулся и зажмурил глаза, чтобы наверняка заснуть крепко.

Лапы лесного кота осторожно вступили на землю и замерли; уши навострились. Нос стал вбирать в себя не просто воздух, а информацию. Сгустившаяся вокруг Лучика тишина лопнула — издалека послышался еле различимый хруст дерева. Лапы кота резко сорвались с места — началась охота. Лучик превратился в движение, смешиваясь с ночным воздухом.

Раздался треск — чьи-то руки хотели оторвать сразу несколько веточек. Лучик замер и прижался к земле. Уши кота слышали теперь и тишайшее шуршание, он осторожно крался на звук.

Руки человека пытались обхватить собранный хворост. Глаза кота расширялись с каждым шагом… Человек положил хворост на плечо и его ноги зашагали дальше. Кот крался, видя перед собой только деревья, которые расступались перед ним в стороны.

Человек был уже совсем близко — в ушах Лучика глухими ударами отзывались шаги. Лапа кота зависла в воздухе. Несколько секунд Лучик следил за удаляющимися вглубь леса кроссовками.

«Охотники в таком не ходят» — подумал про себя кот. Продолжая сканировать забредшего путника опытным лесным взглядом, Лучик обратил внимание на его спину: «и ружья нет». Подметив это, кот устремился за человеком, который и не подозревал о слежке — за деревьями только хвост мелькал.

Послышались голоса и глухой звук упавшего на землю хвороста. Лучик юркнул под корни ближайшего дерева.

— Ничего себе набрал! — кто-то засмеялся.

Из-под корней кот видел небольшой лагерь, который расположился на поляне: в одной ее части полукругом жались друг к другу три маленьких палатки, сверху одной из них был накинут цветастый плед, служивший утеплителем. Возле входа крайней палатки лежало опрокинутое пластмассовое ведерко — в нем краснели две маленьких сыроежки. В другой стороне лагеря под брезентовым навесом сгрудилась компания людей. Обзор Лучику загораживали корни.

Кот перебежал к другому дереву, сходу вскочил на ствол и мгновенно поднялся. Медленно ступая по длинной ветке, он дошел до края ее толстой безопасной части и остановился. Черные глаза его вгляделись под навес. Походники были все в ярких спортивных куртках. Двое детей сидели у костра и кутались в один плед, чуть позади них стояли три женщины, весело о чем-то болтавшие. Двое мужчин устанавливали мангал. Навес был довольно большой, и под ним, ближе к краю, поместился квадратный складной столик, уставленный пластмассовыми мисками. Лагерь был ярко освещен — в каждом металлическом столбе, поддерживающем навес, была выемка, из которой струился желтый фонарный свет.

Взгляд Лучика рыскал по углам лагеря в поиске еды, как прибор, переключающий картинки. Он заметил стоящие на столе миски и контейнеры, все они были плотно закрыты. Взгляд опустился вниз — под столом стояла длинная спортивная сумка.

Послышался громкий треск — человек у костра обернулся — разговор мгновенно стих. Дети с головой спрятались:

— Папа, что это? — пугливым шепотом спросили из-под пледа.

Лучик обогнул лагерь и увидел между деревьев спины походников, внимание их было обращено в ту сторону, где раздался треск. Сумка была ближе всего к коту, ее тканевая крышка была отогнута. Между ней и котом пролегла финишная прямая.

— Да это какая-нибудь ночная птица! Или дрозд-рябинник? — предположил мужской голос.

— Я сейчас посмотрю. — Ответил второй.

Лапа Лучика переступила решающий порог и коснулась открытой поляны.

Мужчина подошел к деревьям, которые окаймляли лагерь. Его лицо поглотила тень. Лучик видел на освещенном островке оставшихся у костра людей. Дети тихо сидели под пледом. Кот заглянул в сумку — среди пластиковых упаковок с и жестяных банок с тушенкой лежал открытый пакет сосисок. Острый коготь одним движением подцепил сосиску и резко потянул наверх всю связку.

Походник вернулся:

— Тут все тихо! Наверняка птица.

Лучик на весу взял в зубы сосиску… Мужчина у костра, как бы подбадривая себя, сказал:

— Нас тут много — кто бы осмелился подойти к нам, кроме птиц?

— Лиса! — Вскрикнула одна из женщин, указывая в сторону, где стояла спортивная сумка.

Мелькнул рыжий хвост. Зажав во рту первую сосиску из цепочки, кот оглянулся и увидел лицо девочки Сони, своей хозяйки.

— Лучик! — крикнула она.

Кот скрылся во тьме среди деревьев, но пронзительный детский крик ошеломил его. Лучик снова оглянулся на поляну, там ярче любого фонаря светило лицо Сони. Он попятился вглубь леса, сжимая в зубах сосиски. Деревья показались ему в эту секунду особенно страшными и он помчался прочь.

Купол неба треснул и открыл правильный шар луны, похожий на фонарь. Лес вокруг кота поредел — низенькие березы, воткнутые в мох, как в вату, стояли неуверенно и шатко. Все вокруг молчало. Одинокий сухой листик ольхи, державшийся за ветку одной лишь памятью о лете, замер в надежде, что ветер не найдет его.

Кот шел медленно, поглядывая по сторонам. Он что-то искал.

Береза, под которой Лучик оказался после своего побега из дома, одряхлела еще больше. Верхушка сломалась и покаянно склонилась к основанию ствола. Кора кое-где совсем отошла. Лучик подошел к знакомой выемке во мху около березы и сел в нее; возле себя положил связку сосисок. Послышался шум — так шелестят листья, когда поднимается ветер, но ветра не было, одинокий листик ольхи не двинулся.

Кот не оборачивался на шелест, он смотрел прямо перед собой. Сзади него выросло нечто, похожее на ветвистую сосну. Раздался глухой голос:

— Листья пожелтели и опали — а мох остается зеленым.

Кот удивился:

— Почему так?

— У него хорошая память — он все в себе оставляет. Все летние и осенние дожди. А потом еще и снег.

— А куда он прячет это?

— В землю. Чтобы потом из нее что—то выросло.

— Деревья?

— Сосиски себе оставь. Тебе они нужней будут.

Лучик обернулся, но сзади уже никого не было. Листик ольхи оторвался, медленно полетел и опустился у связки сосисок…

Кот побежал прочь. Сосна, где ждал его голодный котенок, стояла в окружении молодых деревьев. Луна устремила все свое внимание на нее, как на важную фигуру этой ночи. Остальные, еще не вобравшие в свою тонкую кору лесную мудрость, отступили в тень.

Под корнями шел кошачий разговор:

— Если пройти через лес, можно выйти туда, где светло.

— А если не пройти — будет всегда темно и страшно? — спросил котенок.

— Может и не будет страшно, но точно будет темно.

— Ты говорил, что если я посплю, будет еда. А ее нет.

— Что бы ты выбрал, сидеть под корнями, или увидеть… — Лучик задумался. — Большой яркий шар над головой?

— Большое и яркое!

— Тогда пойдем.

Из—под дуба показался сначала силуэт Лучика, а за ним медленно, втягивая голову, выбрался котенок и на полусогнутых лапах подошел к старшему товарищу. Лучик поднял голову и посмотрел на луну, котенок сделал то же самое.

Поляна по-прежнему была ярко освещена; один из походников сидел на корточках и ковырял палкой тлеющий костерок, под навесом сидел его товарищ. Женщин и детей с ними не было, они ушли спать, у входа в палатки стояла обувь.

— Думаем Соне котенка подарить, а она не хочет. — Мужчина у костра оглянулся в лес. — Ей все тот мерещится…

— Так и не нашли?

— Нет. Как сквозь землю провалился.

— Может, еще найдется.

— Это вряд ли. Уже год прошел.

Костер почти потух.

— Возьму-ка что-нибудь пожевать. — Сказал сам себе Сонин папа и направился к сумке. Нагнувшись к ней, он услышал слабое мяуканье.

Перепуганный котенок не успел обернуться, как оказался на невиданной раньше высоте, на которую его поднял человек.

— Лучик, ты что ли? — спросил он.

Друг отца засмеялся и стал мастерить из пластиковой бутылки миску, отрезая дно:

— Я же говорил, найдется. А лес — шутник!

Котенок испуганно пищал, он видел перед собой людей и не видел Лучика — старшего друга нигде не было.

Люди суетились. Отец Сони пошел искать котенку еду, его друг уже наливал воду из большой канистры в миску… Котенка куда-то понесли, осторожно прикрыв сверху ладонью.

— Соня, проснись! Смотри, кто тут нашелся!

Перед котенком возникло лицо Сони.

Она вскрикнула и взяла котенка на руки.

— Это что… Маленький Лучик? — сказала Соня почти плача, не веря своим глазам.

Котенок вертелся, обеспокоенно высматривая пропавшего друга, но руки Сони, гладившие его, подействовали убаюкивающе, он пригрелся и невольно заурчал. Вдруг под ухом котенка кто-то сказал:

— Простите…

Котенок встрепенулся. Соня продолжала гладить его. Кто-то невидимый продолжил:

— Не пугайтесь. Я жук и меня многие не видят. Однако наш общий друг Лучик просил передать, чтобы вы всё-таки были повнимательней.

Котенок вдруг заметил, что в лесу позади Сони одно из деревьев будто начало дышать, бока его тяжело вздымались и опускались. Котенок вгляделся в него: кора у основания затрещала, словно кто-то был закован внутрь дерева, разошлась, как по швам, и освободила огромные ноги. Котенок вжался в руки Сони, но она ничего не замечала.

На месте, где только что росло дерево, стояло длинноногое лесное чудовище, между рогов которого сидел Лучик. Рядом с ним уместился маленький пушистый зверек с рыжим хвостом (белку котенок тоже не знал). Котенок крепко зажмурился, а когда снова открыл глаза, перед ним было обычное дерево.

Анастасия Дегтярева

РАЗНИЦА ВО ВРЕМЕНИ

***

Сегодня. 15:07

На экране телефона высвечивается сообщение:

Лена: «Настя, мы подъезжаем. Жди у стойки информации.»

Значит я их не пропустила, а приехала раньше, это хорошо. Не упадёт ли парящая над стойкой белая фигура лакированного ангела с турбинами в крыльях? Такие же манекены современного искусства разлетаются по всему остеклённому пространству аэропорта у Пулково-2. Объявления звучат на русском, английском и совсем уже неразборчивом китайском.

***

Первая свадьба моей двоюродной сестры Лены прошла «как положено», с лимузином, главным городским ЗАГСом на Английской набережной, Веркой Сердючкой и пожилыми родственниками из другого города, с чёрно-белыми фотографиями у ног Атлантов и голубями на стрелке Васильевского. Не то чтобы очень пышно, самое «вкусное» кузина приберегла на финал: трёхнедельный отпуск в Доминиканской Республике с непременным отлётом в день бракосочетания — далеко, жарко и чтобы провожали всей толпой.

Развод через полгода, кажется, застал тогда врасплох одну только меня, хотя все охали, горевали, передавали друг другу подробности. Через 9 лет после этого Ленка на мои размышления о замужестве в обозримом будущем заявила: «Хорошо! Приеду к тебе и свадьбу праздновать, и развод.»

***

Два года назад.

Помню, пили чай, слушали как восторженно Лена с Андреем, тогда еще просто Андреем, а не вторым мужем и отцом маленькой Вики, взахлёб рассказывали про то, как на самом деле чисто в Индии, как всё дешево в юго-восточной Азии, светло и все улыбаются.

— …страна рабов… — это про Россию.

— Здесь фрукты — это вообще не то!

Стараюсь улыбаться (как нормальная индусья женщина) и не вслушиваться. Это их четвёртая поездка в сторону Индостана, и восторги только усиливаются.

На защиту берёзок и права страдать как русской душе хочется встал отец семейства, дядя Паша, вооружённый советским образованием историка.

Андрей был оснащён айфоном с Википедией и наглостью очевидца. Количество застолий, кончившихся перебранкой, приближалось к десятку.

***

Сегодня. 15:12

В аэропорту встречаются не только прибывшие и встречающие, но и живущие в одном городе родственники. Воистину удивительна жизнь.

Я простреливаю взглядом наискось входы в аэропорт, ищу глазами молодых родителей с грудной девочкой и большими чемоданами, хотя знаю, что они еще не приехали, отписались бы.

***

Сколько раз Лена была замужем, я затрудняюсь ответить — два или три. Дело в том, что обплевавшись на штампы в паспорте и увещевания родителей на счёт традиций, жених с невестой укатили в Гоа и стали первыми русскими, чья свадьба прошла по местным традициям. Вернее, первая такая свадьба, широко освещенная большей частью СМИ острова.

Одетая в сари, разрисованная махенди, Лена светилась на множестве газетных снимков, восторгалась местной культурой в интервью телеканалам с бегущей строкой на хинди. Андрей молчал и довольно улыбался, просто потому что не знал английского, хотя делегирование представительской функции жене в таком традиционном амплуа вызывало недоумение.

Всё было схвачено, организовано самым удачным и ловким из дешевых способов.

Так же можно было характеризовать их вторую свадьбу — ровно через год, день в день, в скромном, чистом ЗАГСе василеостровского района.

Ресторан назывался «Oh! Deli» и, по словам кузины, славился максимально приближенной к оригиналу адаптацией индийской кухни. Мы это почувствовали, хотя Лена клялась, что заказывала всё максимально неострое. Получив живую музыку и скидку в придачу, молодые сочли праздник удавшимся. Я с ними согласилась — это было первое застолье за три года, где никто не поругался.

После этого, счастливая пара на месяц уехала в Мумбаи. Вернулись уже втроём.

— Мама! Как ты не понимаешь, я хочу дать ребёнку всё самое лучшее! И явно не засраный промозглый Питер, где все чихают, с этими поликлиниками, очередями, машинами и резиновой едой. Мама, там море, всё натуральное и 30 градусов круглый год!

— А медицинское обслуживание?

— Да отличное там медицинское обслуживание, здесь всё врут!

— Не представляю… за границей, без работы, с маленьким ребёнком. Роды тяжёлые были, о себе-то подумай!

— Глупости говоришь, все ездят и ничего, и с новорождёнными тоже, а Викусе уже два месяца.

— Всё равно не понимаю. А как же родной дом? Страна, которая тебя на ноги поставила как же? Думаешь ты Родине ничего не должна?

Тут Лена взъярилась еще сильнее.

— В смысле должна? Этому гадюшнику?? Что она мне дала? За образование своё высшее я сама платила, горбатилась на дядю, а заплатила. Роды платно, потому что врачи-убийцы! Мы так больше не хотим!..

В разговор вступил молчавший до этого дядя Паша:

— Нам ты тоже ничего не должна? Вы работать не хотите, только бы на пляже пузом кверху загорать. Я тебя малявкой в Сочи не возил?

— Ну папочка… — она запнулась, — я вообще—то в декрете, а работаю в авиакомпании, если ты забыл. У нас будут деньги, мои декретные, Андрей там работу найдёт, хорошие фотографы очень много получают, а еще мы сдадим квартиру Андрея, всё будет хорошо!

— А как же мы?

— Здрасте! 21 век на дворе, по вотсапу будем хоть круглосуточно общаться, а в отпуск вы к нам приедете. Приедете?

— Не знаю… далеко очень. Кстати, вы прививки Вике все сделали?

— Вы с ума сошли! Это же яд!

***

Слоны и пальмы, пальмы и слоны. Еще песок и океан. Закаты цвета мякоти манго и медовой дыни красят небо над пляжем.

***

— Как тебя зовут?

— Анастасией.

— В чём каешься, Анастасия?

— Каюсь в том, что… что не могу простить свою сестру, которая уехала в Индию и вышла там замуж по местным традициям.

— Так за что не можешь простить?

— Так она же по языческому канону вышла!

— Молись за неё. Бог управит.

Холодный, усталый, всё понимающий металл накладки на Евангелии. Кресты, вышитые капроновой ниткой на поручах.

***

Она говорит: «Это ужасно».

Она говорит: «Я больше не могу».

Я отвечаю: «Пойми их тоже, они не могут принять, что ты хочешь жить иначе».

Она говорит: «Если так принято, не значит, что это правильно. Ужасно, что самые близкие не поддерживают, становятся врагами. Насмотрятся телевизора, а потом … Ведь сейчас никто не привязан к месту работы, месту жительства, а там экология, люди счастливые, праздник всё время. Неужели человек создан только для того, чтобы мучиться?»

Всё это пишется не в смс на телефоне, а в какой-то новый мессенджер с двойным шифрованием.

Я говорю: «Всё образуется, я с тобой. Всё будет хорошо.»

***

Уборка — одно из лучших средств против напряжения и беспокойства. Кто-то моет полы, кто-то достаёт баночку зубного порошка и полирует ложки, мама Лены берется вытирать пыль на многочисленных полках с книгами. Монотонная работа успокаивает нервы, а когда тряпка проходит, задевая тёплые корешки, кажется, что слышишь шелест деревьев.

Подхожу, спрашиваю, чем могу помочь.

— Может быть… пора оцифровать старые фотографии?

Да, и давно мы не заполняли альбомы. Достаю с полки том, консервированное детство. Страницы, заполненные глянцевыми с одной стороны картонками, которые можно держать только за края, очень аккуратно, чтобы не оставить следов. Фотографии в смартфоне перелистываются именно прикосновением к изображению, совсем другая магия.

Привлекает внимание одна фотография: разгорячённая, сияющая улыбкой Лена толкает санки с закутанной трёхлетней мной по заснеженному бульвару, поодаль стоят наши мамы, смотрят одновременно счастливо и беспокойно. Моя похожа на нашего деда, ленина на бабушку. Липы чернеют над ярко-белой аллеей, напоминают мне сперва о своём душистом запахе в июне, а затем о бенгальских огнях и стеклянных ёлочных игрушках, кроме которых у нас не было.

Пролистываю альбом назад, а там уже маленькая Лена в нашей прихожей собирается на прогулку. В шапке, что была на мне на прошлой фотографии, с нарядной куклой в руках…

…Которую её мама сейчас убирает обратно в коробку.

Кем вырастет маленькая девочка, которую никогда не возили на санках? Будет ли нам о чём поговорить через 20 лет?

***

Сегодня. 15:27

Жужжит очередное уведомление в телефоне. Лена победно, но немного лихорадочно сверкает серо-зелеными глазами, пронося Вику сквозь рамку металлоискателя. Позади Андрей везёт чемодан.

— Настя! — восклицает молодая мама, — подержи Викусю, я сейчас!

И вручает мне маленькое живое существо. Крошечную девочку в розовом синтетическом комбинезоне. Тихую девочку с широко распахнутыми голубыми глазами.

— На папу похожа.

— Нет, на нашу бабушку.

Лена возвращается, подхватывает дочку с тем же блеском в глазах. Смотрит на меня, к лихорадке примешивается растерянность.

— Родители не приехали?

— Нет. Видимо не приедут.

Пытаюсь утешить:

— Лен, ну ты же понимаешь, рабочий день. Наверняка бы иначе приехали.

— Не в этом дело. Ты же знаешь.

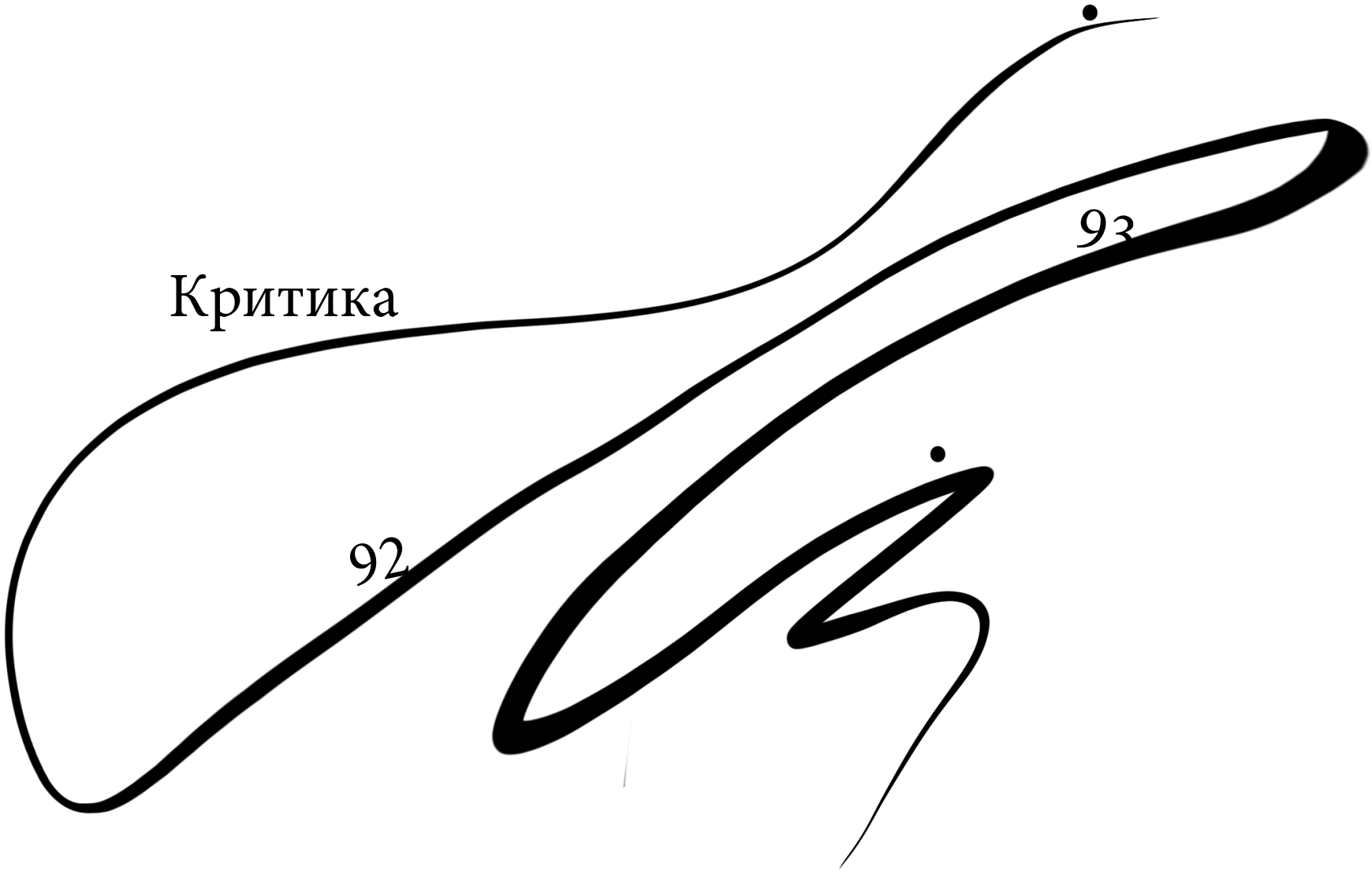
Долго прощаемся, ждём регистрацию на рейс. Лена шепчет дочке:

— Милая, не пищи, я понимаю, что тебе жарко. Обещаю, мы приедем, и я больше никогда—никогда не буду одевать тебя в тёплую одежду.

***

Самолёт отрывается от земли и закладывает плавный вираж над Северной Столицей. На часах 18:03. В Дели уже половина девятого.

Критика



сения Колышевская

СПАСЕНИЕ ЛЕГИОНА

О фильме «Монах и бес», 2016, реж. Н. Досталь, сцен. Ю. Арабов

Режиссер фильма Николай Досталь в интервью корреспонденту «Известий» определяет фильм как трагикомедию. Черты этого жанра наиболее наглядно видны в пьесе П. Корнеля «Сид», где трагедия совершается, но не становится последним словом в истории. Л.Н. Нехорошев писал, что «жанр — это угол зрения на предмет изображения в фильме»; авторское определение Н. Досталя достаточно точно: логика развития истории в «Монахе и бесе» связана именно с трагикомическим углом зрения. Он предполагает восприятие трагедии как необходимого, но не окончательного элемента сюжета — подобно тому, как в евангельской истории распятие является необходимым этапом на пути к воскрешению.

Основной конфликт фильма очевиден — это борьба монаха с бесом, у них противоположные цели, герои совершают поступки и изменяются в ходе этой борьбы. Символический план конфликта также легко считывается носителем христианской культуры. Борьба с бесом — это борьба человека со своими слабостями, низменной греховной природой. В этой схватке человек дезориентирован и может найти верный путь только благодаря стремлению к идеалу. В традиционной парадигме, представленной на экране, стремление

к идеалу — это вера, допроявляющая человеку то, чего он в силу своего несовершенства не видит и не может понять: за что послан бес? Как побороть его?

Монах Иван, Семёнов сын — очень русский герой: в его характере мягкость и лиризм сочетаются с духовным радикализмом, бескомпромиссностью в нравственных вопросах. Иррациональность героя созвучна знаменитой фразе Достоевского: «если окажется, что истина вне Христа, то я останусь со Христом, а не с истиной» — соглашаясь на сделку с тёмной силой, монах уповает на Бога и в нарушение всяких правил приводит беса к Богу (чего с догматической точки зрения, конечно, быть не может). Победа монаха соответствует его иррациональному характеру — он гибнет и своей смертью окончательно изменяет своего врага, приводя его к спасению.

В повествовательной ткани фильма комедийные элементы тесно перекликаются с вопросами человеческой души, исследуемой авторами.

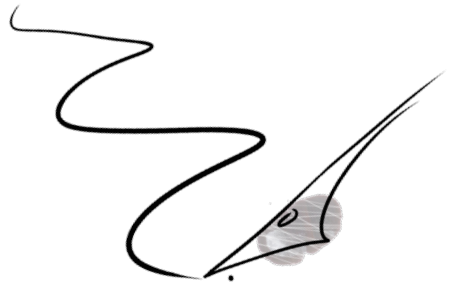
Первая сцена начинается с прихода в монастырь главного героя фильма Ивана в горящей одежде. На вопрос настоятеля «почему», он отвечает: «По грехам». Ответ выставляет Ивана «дурачком», однако в его восприятии огня, как посланного за грехи испытания, кроется понимание сущности христианского смирения. Без этого главного осознания невозможен путь, предстоящий главному герою.

Комическое сопряжено и с чудесами Ивана, которые совершаются руками сидящего в нем беса. В сцене, где игумен с монастырским писарем решают подглядеть заново испеченным насельником, работающим на портомойне, изображение чуда тяготеет к фарсу. Через окно игумен с писарем увидели глажку белья: оголяя пятую точку, Иван садился прямо на простыню, которая тотчас же разглаживалась. В финальной сцене прихода нового послушника, бывшего беса, в монастырь, игумен вспоминает: «Был тут у нас один, стирал славно, гладил уж больно затейливо...». Выходки беса в теле Ивана — комичны и безобидны на первый взгляд, но именно обращение бесом всякого своего поступка в шутку направлено на то, чтобы лишить происходящее внутри монастыря сакральности и внести смуту среди его обитателей.

В монастыре образ Ивана, Семенова сына, неотделим от беса. Он неподобающе высказывается за трапезой, «сыпет пословицами, как горохом», вытворяет «чудеса». Игумена новый послушник настораживает и пугает. В сцене прихода

к настоятелю в келью некоего духовного лица, обозначается причастность к поведению Ивана нечистой силы. Диалог между игуменом и духовным лицом, призывающим игумена приблизить к себе Ивана, обнажает планы нечистого. Настоятель интересуется: «А почему вы сами его к себе не возьмете?», на что получает ответ: «Куманда готова. А он — еще нет». В образе духовного лица нечистый является с целью искусить настоятеля властью, описывая ему материальные блага, подобно тому, как в Евангелие от Матфея искуситель призывает Иисуса поклониться ему за все царства мира. Уходя из монастыря, нечистый принял облик женщины, полы платья которой разлетались в стороны, обнажая тело. То искушая, то внушая страх, он пытается увести обитателей монастыря от Бога.

Монастырь в «Монахе и бесе» вбирает в себя множество смысловых значений. Место, где спасаются послушники, находится в лесной русской глуши, местный настоятель предстает человеком, который может сомневаться и испытывать страх — он пытается убрать Ивана от греха подальше и отправляет его на плоту вниз по течению, но когда видит, что тот плывет обратно, в страхе кричит: «Гоните его! Гоните ко всем чертям!». Одной из трактовок образа монастыря в драматургии фильма может стать понимание его, как мира свято-грешного русского человека. Людской мир граничит с земными искушениями, в нем идет постоянная борьба духовного и материального. Внезапный приезд царя в монастырь выглядит, как вторжение инородного тела — Николай I разговаривает с Бенкендорфом на французском языке, обсуждают поломанную английскую рессору. Монахов он воспринимает далекими от просвещения темными людьми, измеряя культуру знанием западных манер. В монастыре его интересуют лишь чудеса, не требующие духовных усилий, чтобы в них поверить.



Через эпизод с приездом Николая I автор проводит параллель с ситуацией в современной России. Царь сокрушается о состоянии дорог, власть бесконечно далека от людей — показаны определенные константы русской жизни, не меняющиеся со временем.

Завладеть вниманием царя смог только бес внутри Ивана в жарком и темном сарае-портомойне, где Иван сидит возле полыхающего костра. Именно перевернутое послание Ивана заставляет Николая I задуматься о ситуации в стране. Царь хоть и разгадывает послание, но сделать ничего не может. Уличенный в коррупции Бенкендорф спрашивает царя об отставке, на что тот отвечает: «Отставку твою принять я не могу. Заменить тебя некем…». Утром он говорит разгаданную фразу игумену на прощание: «Без правды нет и царствования. И монастыря нет».

Не будь постоянной борьбы на земле, правду, без которой нет монастыря, людям было бы не видно. Игумен боится правды и после наблюдения за чудной глажкой белья отправляет Ивана в дальний скит, «удаляя с глаз, не удаляя».

В этой части повествования отдельным персонажем в образе человека появляется бес по имени Легион, которым одержим главный герой. Раскрываются отношения Ивана с Легионом и обнаруживается завязка основного конфликта. Монах, который страдает заиканием, просит оставить его — «Есть же настоящие святые отцы. Ты бы к ним и шел». Устами беса утверждается мысль о том, что чем сильнее вера, тем сильнее искушение: «Подле них место занято. Не пустят меня… Там такие зубры — не нам чета. А ты — перспективный». В конце истории он скажет ему, что «каждая твоя слезинка была драгоценней алмаза. Я увидел — да это же новый святой на Руси!».

Бес жаждет свободы человека от Бога: «…Эмансипация всех ото всего — вот это будет песня!». Внутренний конфликт героя связан с конфликтом внешним — бес сидит внутри него. Эта мысль раскрывается дальше.

Легион, который уже было отчаялся забрать душу Ивана, поджёг его, но небо разразилось дождем, и огонь потух. Иван вопрошает к Господу: «Почто мучаешь меня, Господи, что своим гневом прожигаешь? Я все готов вынести, все пережить, нести Крест во славу твою, кабы знать в чем смысл страдания моего. Почему я одержим бесом? Изгнать его я не могу. Тогда в чем мудрость Твоя? В чем замысел? Куда ведешь меня,

Провидец и Человеколюбец?». Иван не принимает испытания бесом, не видит, «в чем замысел» и куда ведет его Бог, но в Евангелие сказано: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:22).

Когда игумен, приехавший проверить послушание Ивана, видит не человеческими силами вырубленный лес, он в ужасе поворачивает телегу обратно — Иван в отчаянии падает на землю и кричит: «Это не я!». В финале фильма Иван будет принимать все грехи на себя. Символ падения, за которым следует духовный взлет, присутствовал и в фильме А.А. Тарковского «Андрей Рублев» — отрок Бориска спотыкается и падает, перед тем как начать отливание колокола.

Бес почувствовал, что Иван уязвим, и предложил ему отправиться в Иерусалим в обмен на душу. Монах соглашается. Полет монаха и беса на Святую землю становится поворотным событием, ведущим к разрешению внутреннего конфликта Ивана. Кульминация происходит, когда он затаскивает беса в Храм Гроба Господня. На экране кульминация выделена с помощью изобразительного и звукового решения — внимание зрителя фокусируется на дверях Храма, за которыми происходит перемена. Бес лишается своей силы, а монах перестает заикаться и хромать, что подчеркивает избавление от страха.

В дороге до Мертвого моря также показана совершившаяся в храме перемена — теперь Иван идет первый и тащит за собой беса, а в полете до Иерусалима монах, напротив, цеплялся за него, боясь упасть.

На берегу моря Иван обращается к Богу с молитвой во второй раз. Если в первый он просил у Бога открытия замысла Его, то в этот — смиряется перед Ним, читая молитву святителя Филорета: «Господи, не знаю, чего просить у Тебя. Ты Один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня больше, нежели я умею любить, даже самого себя… Не смею просить ни Креста, ни Утешения… Сердце мое открыто. Ты зришь нужды, которые я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Приношу себя в жертву к Тебе…».

После молитвы Легион не в силах даже стоять и обратная дорога становится последним испытанием Ивана — монах и бес возвращаются не по небу, а «как люди делают», покоряясь своей человеческой участи.

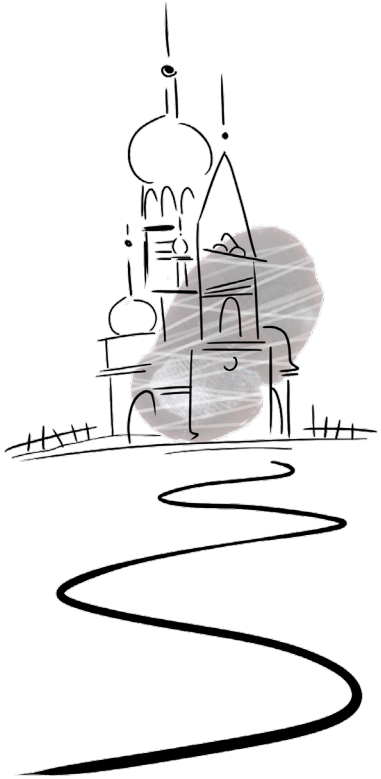
Последнее свое пристанище Иван находит в заснеженной, холодной русской провинции. За ним покорно идет Легион — он сменил яркую вызывающую одежду на серое скромное

одеяние, в которое кутался, пряча лицо. Он близок к тому, чтобы стать человеком и спрашивает Ивана: «Вань, а если бес захочет в стойло Богово?» и получает ответ: «Смиришься в покаянии своем? Оправдает в День Судный».

Развязка начинается, когда порка розгами уравнивает монаха и Легиона — оба смиряются пред наказанием (но бес стонет под ударами). Иван жертвует собой, вызывая на себя гнев местного судьи, признаваясь во всех грехах человеческих, и умирает от побоев христианской смертью. Подле него остается Легион.

Выбор авторами жанра трагикомедии находится в зависимости от специфики темы — борьбы православного христианина с искушением. Жанровое своеобразие заключается в представлении трагического исхода — смерти главного героя — как моста, без которого невозможно прийти к духовному воскрешению. Вместе с тем светский характер драматургии фильма не позволяет соотнести его с жанром жития, отсылки к которому в фильме встречаются постоянно.

Финал истории «Монаха и беса» возвращает зрителя к воротам монастыря, в которые теперь стучится Легион. За воротами игумен нарекает его Лазарем, что символически восходит к библейской истории воскрешения Лазаря. Идея духовного воскрешения беса противоречит православной традиции, однако в истории «Монаха и беса» Легион изначально показан персонажем, наделенным человеческими качествами. Учитывая, что это сценарий художественного фильма, образ беса отсылает к современному грешному человеку, у которого всегда есть путь спасения.



Марина Степаненко

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИЛИ БОЛЕЗНЬ?

О фильме «Девочка», 2018, реж. Л. Донт

В современном мире очень популярна тема ЛГБТ сообществ и отношения к ним. С первого взгляда дебютный фильм бельгийца Лукаса Донта “Девочка” подхватывает модную тенденцию и рассказывает историю о пятнадцатилетнем подростке, который мучительно хочет стать девушкой. Да не обычной девушкой, а балериной.

Для среднестатистического русского зрителя эта тема непонятна и далека от повседневной реальности. И только с помощью фильмов появляется возможность приблизиться к ней и составить некое мнение.

Из этого вытекает, что фильмы должны максимально раскрывать внутренний мир героев, доносить до зрителей их чувства и мысли. Чтобы каждый понял, что желание перерождиться идёт изнутри, что это не болезнь, а мироощущение.

Вот только главная героиня Лара не может однозначно ответить на безмолвный вопрос зрителей — Почему он хочет стать девушкой?

С одной стороны, можно оттолкнуться от мысли, что это врождённое желание и его нельзя объяснить. Так же, как и желание заниматься балетом.

Лара живёт в идеальном мире, где её понимают, принимают и поддерживают. Она занимается в одной из самых лучших балетных школ, где признают её талант, другие подростки относятся к ней дружелюбно, а дома ждёт понимающий отец, который всё выслушает и поймёт. Даже мужским вниманием девушка не обделена: симпатичный сосед к ней явно неравнодушен и всячески показывает это.

Что же мешает Ларе? Внешность? Безусловно. Грудь не растёт, формы не становятся более женственными. Да ещё и противный, так мешающийся ей половой орган, от которого она сможет избавиться только посредством операции и при определённом состоянии здоровья. Слишком долго. Это сводит Лару с ума. Всё можно списать на трудный возраст, гормональные всплески и половое созревание. Нужно всё и сразу. Прямо сейчас.

С первого взгляда можно даже решить, что у Лары сильный волевой характер, ведь она движется к своей цели, не щадя себя и ни перед чем не останавливаясь на своём пути. Но если присмотреться повнимательней, волевой характер превращается в море замкнутости и самобичевания. Она просто не может остановиться, не имеет права. И сказать она никому ничего не может, ведь тогда её будут жалеть, а это недопустимо. Лара объясняет отцу свою

замкнутость нежеланием беспокоить его. Но эта “отмазка” вдребезги разбивается, когда героиня решает отрезать ненавистную часть своего тела, не заботясь о последствиях.

И вроде всё заканчивается неплохо. Лара жива и даже движется дальше навстречу своей мечте.

Но неужели только одна часть тела мешала Ларе стать собой? Сомнительно. Сколько ещё ей нужно отрезать или, может быть, пришить, чтобы уверенность в себе пришла? Отсюда и возникают мысли, что всё надуманное перевоплощение лишь блажь подростка.

Всё вроде складывается, но в душе остаётся очень много вопросов, на которых нет ответа.

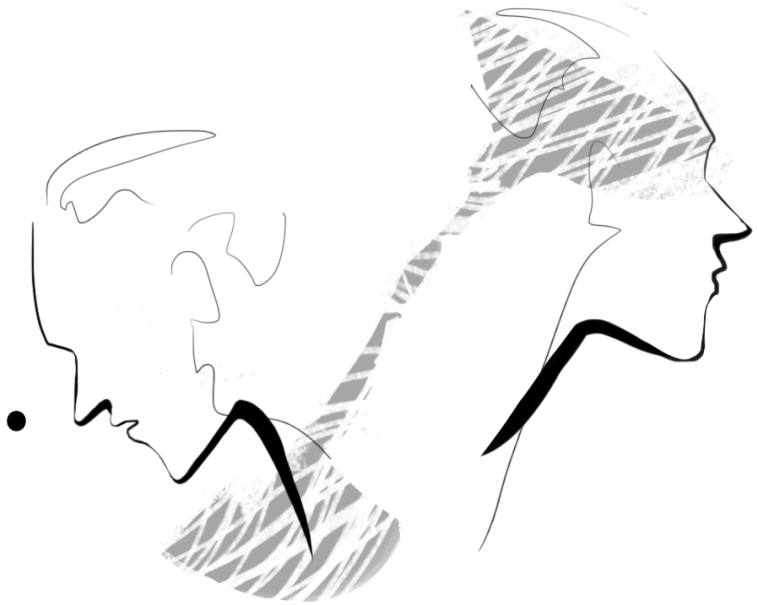
Однако, можно рассмотреть этот фильм и с другой стороны. А что, если желание Виктора стать Ларой — это не попытка самоопределиться, а болезнь, последствия тяжёлой психологической травмы?

Тогда можно предположить, что причина лежит в прошлом Виктора. Возможно, в прошлой школе над ним грубо измывались, что стало причиной его зажатости и неуверенности в себе. А может быть всё дело в отсутствии мамы. В фильме о ней не говорится. Её просто нет, поэтому Виктор вынужден выполнять роль матери для своего шестилетнего брата и хозяйки дома, обслуживая свою семью и гостей. Огромная ответственность ложится на плечи ребёнка. И этот факт дополняет

обстоятельство, что семейство переехало во Францию ради него, Виктора. Его младшему брату пришлось бросить своих друзей, а в новой школе отношения совсем не складываются. Подросток винит в этом себя и не может жаловаться, ведь всё делалось для его же блага.

Он пытается соответствовать: одевается в платья, прокалывает уши и буквально заставляет брата никогда не называть его прежним именем. Только Ларой.

Внутренние сложности и сомнения мешают Ларе открыться. Открыться отцу, который неустанно каждый день просит её рассказать о своих проблемах, докторам, которые могут помочь, и, конечно же, девочкам из балетной школы, ведь они совсем чужие люди. Все по-своему пытаются достучаться до главной героини: взрослые пытаются разговорить, а вот сверстникам разговоры не нужны. Они пытаются вытянуть из неё признание, заставляя показать свой половой орган: Кто же она? Мальчик или девочка?



И это даже не попытка унизить, а понять, кто же перед ними? Почему она так закрывается ото всех? Какую тайну прячет?

Болезненная непонятная “мечта” Лары всё больше напоминает обыкновенное неприятие собственного “Я” и своего тела. В таком случае главную героиню остаётся только жалеть.

Если на мгновение представить, что вместо трансгендерного подростка во главу истории поставить, например, страдающую от лишнего веса девушку, то ничего не изменится. Вот она рассматривает себя в зеркале и ненавидит свой отвисший живот, считая себя уродиной. Вот все окружающие — от одноклассников до врачей — улыбаются ей и говорят, что видят в ней красивую девушку. Но она им не верит, не может поверить, ведь живот весит. Вот и таблетки, которые она принимает уже несколько дней, никак не помогают. Живот висит и висит. Когда она, загнав себя до предела, узнаёт, что быстрого решения не будет, в её голове рождается больная мысль — если они не могут убрать живот, то она уберёт его сама. И режет себя.

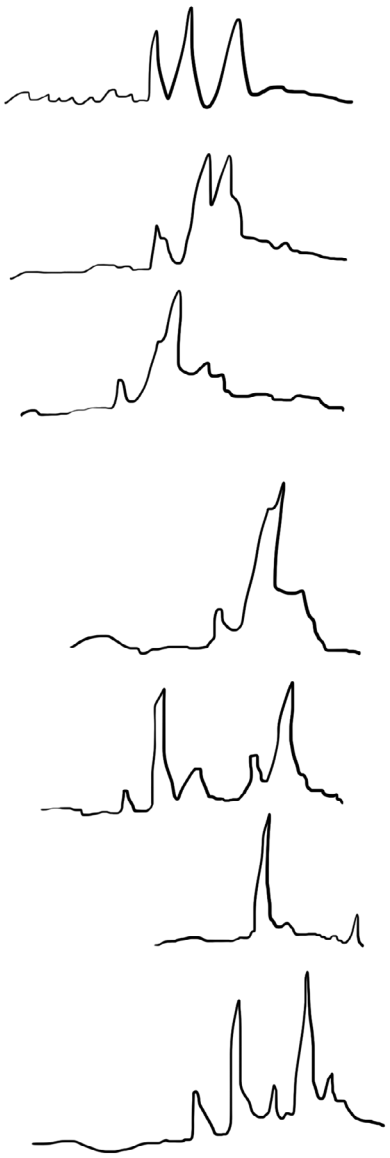
Какая похожая история. Только вот от самоопределения в ней не осталось и следа.

Так или иначе фильм “Девочка” режиссёра Лукаса Донта повествует нам именно об истории трансгендера Лары. Какой смысл несёт в себе этот фильм?

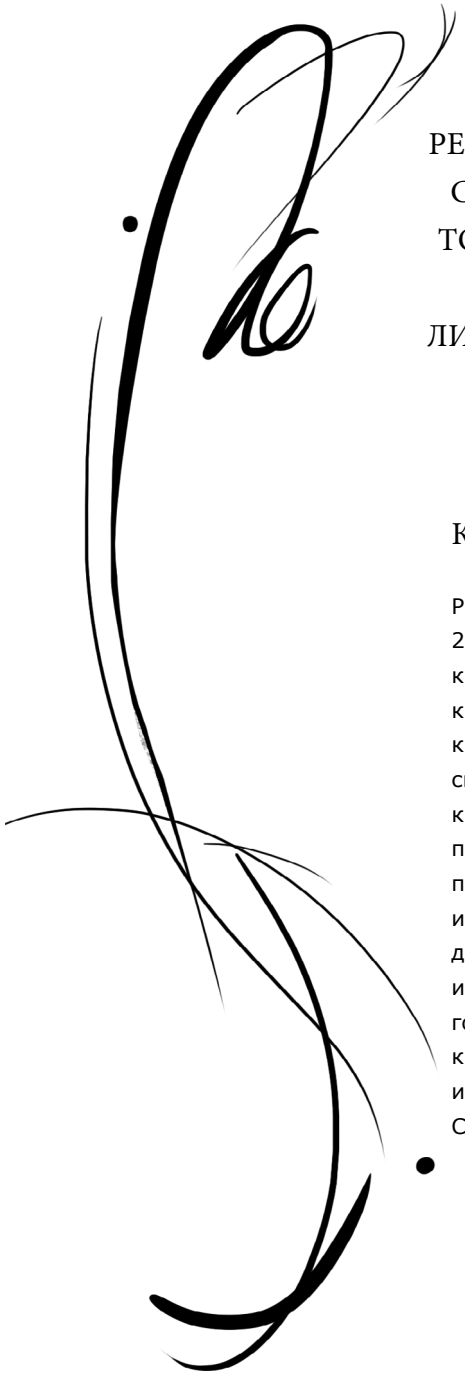
Финал всегда имеет большое значение для трактовки фильма. Этот фильм заканчивается насилием над собой. Значит, даже если весь мир поддерживает тебя, внутренние проблемы можно решить только насилием? Но насилие не решит ни одну из проблем Лары. А значит, её история не может закончиться хорошо.

Рассказанная зрителю история не раскрывает ни мотивов героя, ни внутреннего перевоплощения. Понять её невозможно. Оттого столько неоднозначных, а зачастую и гневных отзывов от зрителей.

В своей статье журналист Валерий Кичин пишет, что “…обыватель столь агрессивно и в таком массовом порядке ополчается на любую попытку искусства говорить о судьбах, ему непонятных, что искусство начинает обращаться к ним все настойчивей…”. Из чего можно сделать вывод, что поднятый этим фильмом скандал породит только серию новых фильмов о бессмысленной жестокости.



Информация об авторах



РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ СБОРНИКА «ОБРАТНАЯ ТОЧКА», РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА СПБГИКИТ

Круглов Роман Генадьевич

Родился в Ленинграде 27.02.1988. Поэт, прозаик, критик, редактор. Автор шести книг стихотворений и сборника критических статей, а также свыше сотни художественных, критических и научных публикаций в сборниках и периодике. Доцент кафедры искусствознания, заместитель декана факультета экранных искусств Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Кандидат искусствоведения, секретарь Союза писателей России.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР СБОРНИКА «ОБРАТНАЯ ТОЧКА», РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА СПБГИКИТ

Коньков Илларион Евгеньевич

1976 года рождения. Член Союза художников Санкт-Петербурга, член Союза журналистов России, доцент кафедры искусствознания СПбГИКиТ. Участник российских и международных художественных выставок, работы находятся в музейных и частных коллекциях. Награжден почетной медалью за увековечение памяти Отечественной войны 1812 года, а также знаком Св.Татьяны.

Студенческое литературное общество СПбГИКиТ «Обратная точка» создано в 2018 году, его работа направлена на литературно-творческое развитие студентов СПбГИКиТ всех направлений. По итогам годовой работы объединения выпускается сборник лучших произведений. Настоящие издание — второй выпуск этого сборника.

Название литературного общества подчеркивает диалогическую природу объединения («обратная точка» — кинематографический термин, точка съемки второго участника диалога при смене ракурса на 180°). На занятиях молодые авторы читают свои стихи, знакомятся и обсуждают прочитанные книги, выдвигают свои произведения на коллективное критическое обсуждение.

К ждый участник определяет для себя степень погруженности в литературный процесс: некоторые приходят, чтобы послушать, другие — целенаправленно для разбора своих текстов. Это наиболее продуктивная форма работы: заранее присланный текст прочитывают участники лито, а на собрании высказывают свои соображения о том, как его можно улучшить.

Под руководством ведущего Р.Г. Круглова авторы на практике осваивают основы стихо- и сюжетосложения, редактуры и критики, знакомятся с традиционными литературными формами и методами, а также современным литературным процессом. Лито «Обратная точка» активно участвует в писательской жизни Санкт-Петербурга и других регионов. На крупнейшем всероссийском съезде молодых писателей в Москве в 2019 приняли участие двое наших авторов и стали победителями студенческой семинарской программы. В 2020 в этом мероприятии приняли участие уже четверо воспитанников лито, работы всех четверых были отмечены руководством Союза писателей России.

Таким образом, лито СПбГИКиТ одновременно служит клубом для активных читателей и взлетной полосой для начинающих писателей.

Приходите, ждём вас!

СТУДЕНТЫ СПБГИКИТ, УЧАСТНИКИ СТУДЕНЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА «ОБРАТНАЯ ТОЧКА» И АВТОРЫ СБОРНИКА

Колышевская Ксения Александровна

4 февраля 1998, Сестрорецк, Санкт-Петербург. Выпускница СПбГИКиТ (2019). Член Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Климова Александра Александровна

6 мая 1995, п. Межозёрный Ленинградской области, группа 751 А. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Дягтерева Анастасия Димитриевна

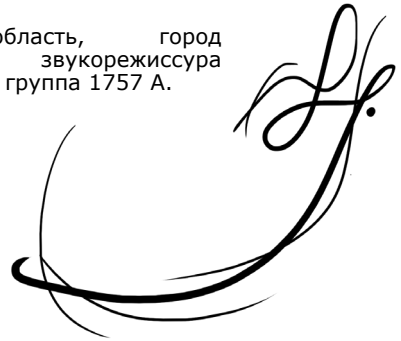
16.04.1997, г. Пушкин, Санкт-Петербург. Студентка ФЭИ, звукорежиссура аудио-визуальных искусств, 5 курс, мастерская Персова и Шейнман, группа 1557 Б. Член Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Ковалева Дарья Андреевна

27.02.1999, г.Иркутск, Режиссер анимации и компьютерной графики, 3 курс, группа 1753.

Степаненко Марина Викторовна

8.10.1997, Калужская область, город Обнинск. Студентка ФЭИ, звукорежиссура аудио-визуальных искусств, 3 кур, группа 1757 А.



СТУДЕНТЫ СПБГИКИТ, ИЛЛЮСТРАТОРЫ СБОРНИКА

Оформление — Завьялова Елизавета Александровна

Иллюстраторы — Завьялова Елизавета Александровна

Крюкова Мария Алексеевна

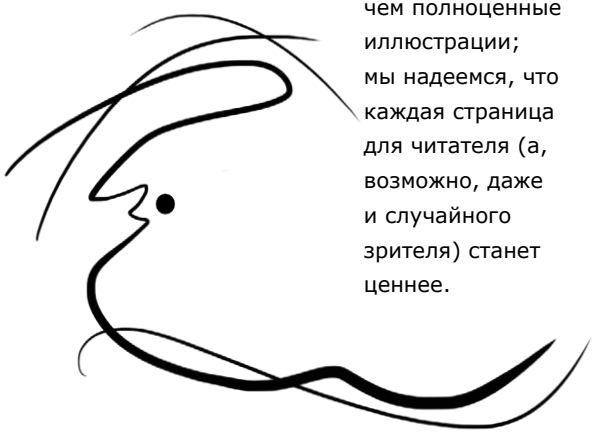
Якимова Виктория Алексеевна

Александра Михайлова Сергеевна

Микула Елизавета Ильинична

Оформление сборника стало чувственным отражением лейтмотивных и ключевых сюжетных моментов стихотворений и прозы. Перед оформителями стояла задача не просто «проиллюстрировать», не просто «нарисовать картинку», а посредством гибкого языка визуального искусства создать нечто единое с художественным текстом.

Иногда простые линии говорят намного больше, чем полноценные иллюстрации; мы надеемся, что каждая страница для читателя (а, возможно, даже и случайного зрителя) станет ценнее.



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

Стихотворения:

автор Екатерина Дедух худ. Александра Михайлова стр.14-15;

автор Марина Потапова худ. Елизавета Завьялова стр. 16;

автор Алексей Комаревцева худ. Виктория Якимова стр.18;

автор Лев Лебедев худ. Виктория Якимова стр. 20-21;

автор Кристина Кармалита
худ. Александра Михайлова стр.22-23;

автор Яна Кирноз «Бабушке» худ. Мария Крюкова стр.31;

«Рождественский вечер» худ. Елизавета Завьялова стр.32;

автор Катерина Яшникова худ. Елизавета Завьялова стр.24-25;

Проза:

автор Дарья Ковалева худ. Мария Крюкова
(Илл. «цветы-рыбы» и «Под деревом»)
и Елизавета Завьялова
(Илл. «Булька и водоросли»)
стр. 36-41;

автор Александра Климова худ. Александра Михайлова
(Илл. «Дом»)
и Елизавета Завьялова стр. 42-52;

автор Ксения Колышевская худ. Елизавета Завьялова;
на основе иллюстрации Лизы Ложки
«Кот в коробке», с. 55 стр. 54-83;

автор Анастасия Дягтерева худ. Елизавета Завьялова стр. 88;
худ. Елизавета Микула стр. 52-53;

Критика:

автор Ксения Колышевская худ. Елизавета Завьялова
стр. 94-105;

автор Марина Степаненко худ. Мария Крюкова стр. 106-111;

Отдельная благодарность Лизе Ложке за положенное начало, а так же Капинус Марине, Лось Маргарите, Снятковой Ольге и Русиновой Варваре за формирование идей и помощь в создании сборника

СОДЕРЖАНИЕ:

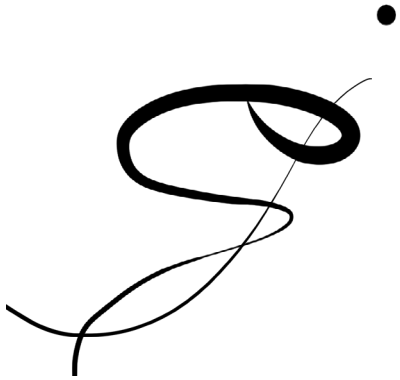
СТИХОТВОРЕНИЯ.....10

ПРОЗА.....34

КРИТИКА.....92

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....112

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....120



ДНИ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ
В 2020 году

(по адресу: ул. Бухарестская, дом 22)

27 сентября
в 14:00

52.03.06 Драматургия
Программа:
Кинодраматург

52.04.02 Драматургия (магистратура)
Программа:
Кинодраматургия

55.05.01 Режиссура кино и телевидения
Программы:
Режиссер игрового кино и телефильма
Режиссер неигрового кино и телефильма

55.05.02 Звукорежиссура аудиовизуальных искусств

55.05.05 Киноведение
Программа:
Киновед, арт-блогер

18 октября
в 14:00

52.05.01 Актерское искусство
Программа:
Артист драматического театра и кино

55.05.01 Режиссура кино и телевидения
Программы:
Режиссер анимации и компьютерной графики
Режиссер мультимедиа

55.05.03 Кинооператорство
Программы:
Кинооператор
Телеоператор

55.05.04 «Продюсерство»
Программы:
Продюсер кино и телевидения
Продюсер телевизионных и радиопрограмм
Продюсер дистрибьюции

11.03.01 Радиотехника
Программа:
Аудиовизуальная техника

42.03.02 Журналистика
Программа:
Журналистика в медиаиндустрии

8 ноября
в 14:00

42.03.04 Телевидение
Программы:
Телевизионное производство и вещание
Корреспондент и ведущий телевизионных программ
Проектная деятельность в телевизионной индустрии

42.04.04 Телевидение (магистратура)
Программа:
Управление предприятиями телевизионной индустрии

50.03.01 Искусства и гуманитарные науки
Программа:
Проектная деятельность в кинематографии

55.05.01 Режиссура кино и телевидения
Программа:
Режиссер телевизионных фильмов, телепрограмм

13 декабря
в 14:00

42.03.01 Реклама и связи с общественностью
Программа:
Реклама и связи с общественностью в медиасфере

51.03.02 Народная художественная культура
Программа:
Руководство студией кино-, фото- и видеотворчества

51.04.02 Народная художественная культура (магистратура)
Программа:
Фотоискусство

54.03.01 Дизайн
Программа:
Дизайн в медиаиндустрии

54.03.04 Реставрация
Программа:
Реставрация кинофотодокументов

54.05.03 Графика
Программа:
Художник анимации и компьютерной графики

191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; 192102, Санкт-Петербург, л. Бухарестская, 22;
Приемная комиссия: (812) 315-74-83;
Подготовительные курсы: (812) 670-21-17 www.gukit.ru

О возможных изменениях в графике проведения Дней открытых дверей вы узнаете на официальном сайте института

ОБРАТНАЯ ТОЧКА

Сборник
литературных произведений СПбГИКиТ

Выпуск II (2020)

Редактор-составитель
Круглов Роман Геннадьевич

Подписано в печать…… Формат А5 Бумага офсетная
Печ. л. …… Тираж ?? экз.

СПбГИКиТ.191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13.
ИзПК СПбГИКиТ.192102, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, 22.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ